

ВЛАДИМІРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1 Іюня

№ 11.

1902 г.

Цѣна безъ пересылки.	Цѣна съ перес. и доставки.
На годъ: въ тетрадахъ 4 р. — к.	На годъ: въ тетрадахъ 4 р. 50 к.
» корешкѣ . 4 » 25 »	» корешкѣ . 4 » 75 »
» обложкѣ . 4 » 50 »	» обложкѣ . 5 » — »

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, вслѣдствіе засвидѣльствованія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ нижепоименованныхъ лицъ, служащихъ по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 6 текущаго мая — высокаторжественному дню Рожденія Его Императорскаго Величества, пожаловать имъ слѣдующія награды:

Награждаются орденами:

Св. Станислава 2-й степени: статскій совѣтникъ преподаватель Владимірской духовной семинаріи Иванъ Левкоевъ.

Св. Анны 3-й степени: статскій совѣтникъ смотритель Муромскаго духовнаго училища Ксенофонтъ Вознесенскій; коллежскіе совѣтники — секретарь Владимірской духовной семинаріи Александръ Гроздовъ и учитель Переславскаго духовнаго училища Алексѣй Лебедевъ; надворный совѣтникъ преподаватель Владимірской духовной семинаріи Александръ Канаровскій; коллежскій ассесоръ казначей Владимірской духовной консисторіи Михаилъ Миртовъ.

Св. Станислава 3-й степени: надворный совѣтникъ учитель Владимірскаго духовнаго училища Александръ Вознесенскій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія духовныхъ лицъ нижеслѣдующими знаками отличія:

За службу по епархіальному вѣдомству:

- а) *орденомъ св. Владиміра 4-й степени* — настоятель Суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря, архимандритъ Серафимъ; б) *орденомъ св. Анны 2-й степени* — ректоръ Владимірской духовной семинаріи, архимандритъ Евгеній; Владимірскаго Успенскаго Княгинина монастыря, протоіерей Василій Преображенскій; гор. Покрова, Троицкаго собора, протоіерей Петръ Обтемперанскій; гор. Мурома, тюремной церкви, протоіерей Александръ Нардовъ; в) *орденомъ св. Анны 3-й степени* — намѣстникъ архіерейскаго дома, игумень Владиміръ; Владимірскаго Успенскаго Княгинина монастыря, священникъ Михаилъ Добротворскій; церкви села Ковардицъ, муромскаго уѣзда, священникъ Петръ Шмелевъ; церкви погоста Староникольскаго, ковровскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Чижевъ; церкви села Филипповскаго, покровскаго уѣзда, священникъ Павелъ Приклонскій; г) *наперснымъ крестомъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества безъ украшеній* — членъ Владимірской духовной консисторіи, протоіерей Александръ Виноградовъ.

Списокъ лицамъ духовнаго званія, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.

а) *палицею*—церкви села Краснаго, муромскаго уѣзда, протоіерей Ксенофонтъ Смирновъ; б) *саномъ протоіеря*—духовникъ Владимірской духовной семинаріи, священникъ Θεодоръ Поспѣловъ; церкви села Шокшева, суздальскаго уѣзда, священникъ Алексій Альбицкій; в) *саномъ игумена*—настоятель Николо-Шартомскаго монастыря, шуйскаго уѣзда, іеромонахъ Петръ; г) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—настоятельница Переславскаго Николаевскаго женскаго монастыря, игуменія Антонія; Боголюбова монастыря, владимірскаго уѣзда, іеромонахъ Никодимъ; того же монастыря, іеромонахъ Паисій; Флорищевой пустыни, гороховецкаго уѣзда, іеромонахъ Нифонтъ; церкви Ямской слободы, владимірскаго уѣзда, священникъ Василій Преферансовъ; церкви села Ваганова, того же уѣзда, священникъ Михаилъ Бѣллонинъ; церкви села Юрова, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Изволенскій; церкви села Осовца, покровскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Кападинскій; церкви погоста Заболотья, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Приклонскій; гор. Переславля, Борисоглѣбской кладбищенской церкви священникъ Илья Смирновъ; гор. Переславля, Срѣтенской церкви священникъ Димитрій Недешевъ; церкви села Бибирева, переславскаго уѣзда, священникъ Василій Лавровскій; церкви села Переборова, суздальскаго уѣзда, священникъ Георгій Орловъ; церкви села Брюхова, шуйскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Извольскій; церкви села Семеновскаго-Псливановыхъ, того же уѣзда, священникъ Θεодоръ Сушевскій; гор. Коврова, Христорожественскаго собора священникъ Николай Быстрицкій; церкви села Аванасова, ковровскаго уѣзда, священникъ Василій Орловъ; церкви села Верхняго Ландеха, гороховецкаго уѣзда, священникъ Николай Парбековъ; церкви села Мячкова, Александровскаго уѣзда, священникъ Павелъ Тихомировъ; церкви села Сарыева, вязниковскаго уѣзда, священникъ Гавріилъ Сперанскій; церкви села Меркутина, того же уѣзда, священникъ Василій Веселовскій; церкви погоста Кинишемскаго, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Виноградовъ; церкви села Полиносова, Александров-

екаго уѣзда, священникъ Василій Якиманскій; д) *камилавкою* — гор. Покрова, Троицкаго собора священникъ Владиміръ Снегиревъ; церкви села Илькодина, покровскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Аѳоновъ; церкви села Овчина, того же уѣзда, священникъ Алексій Левковъ; церкви села Аннипа, владимірскаго уѣзда, священникъ Петръ Наумовъ; церкви села Кучекъ, александровскаго уѣзда, священникъ Константинъ Кумошенскій; церкви села Заболотья, переславскаго уѣзда, священникъ Василій Романовскій; церкви села Загорья, того же уѣзда, священникъ Михаилъ Флоринскій; церкви села Дубровиць, того же уѣзда, священникъ Александръ Пановъ; церкви села Симы, юрьевскаго уѣзда, священникъ Николай Молчановъ; церкви села Весокъ, того же уѣзда, священникъ Алексій Чижовъ; церкви села Дубровки, того же уѣзда, священникъ Симеонъ Альбицкій; гор. Коврова, Іоанно-Воиновской кладбищенской церкви священникъ Стефанъ Виноградовъ; церкви села Антилохова, ковровскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Семеновскій; церкви села Молотиць, муромскаго уѣзда, священникъ Александръ Кипарисовъ; церкви села Большаго Загарина, того же уѣзда, священникъ Алексій Покровскій; гор. Суздаля, Ризположенскаго женскаго монастыря священникъ Александръ Цвѣтковъ; церкви села Рождествина, суздальскаго уѣзда, священникъ Симеонъ Приклонскій; церкви села Бородина, того же уѣзда, священникъ Андрей Виноградовъ; церкви села Абакумлева, того же уѣзда, священникъ Василій Розановъ; гор. Иваново-Вознесенска, Крестовоздвиженской церкви священникъ Александръ Охотинъ; церкви села Дунилова, шуйскаго уѣзда, священникъ Василій Семеновскій; церкви села Нижняго Ландеха, гороховецкаго уѣзда, священникъ Іоаннъ Добродѣевъ; церкви села Ерлекса, судогодскаго уѣзда, священникъ Василій Молчановъ; церкви села Чамерева, того же уѣзда, священникъ Алексій Воскресенскій; е) *благословеніемъ Святѣйшаго Синода, съ грамотою* — церкви села Ратмирова, владимірскаго уѣзда, діако́нъ Сергій Шерышевъ; ж) *благословеніемъ Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ* — смотритель епархіальнаго свѣчнаго завода, священникъ Петръ Лекторскій; гор. Владиміра, тюремной церкви, священникъ Павелъ Ильинскій; церкви села Кононова, меленковскаго уѣзда, священникъ Петръ Веселовскій; церкви погоста Дебри, вязниковскаго уѣзда, священникъ Александръ Дебрскій; церкви

погоста Петропавловскаго, ковровскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Троицкій; церкви села Свѣткова, суздальскаго уѣзда, священникъ Николай Сперанскій; церкви села Хребтова, переславскаго уѣзда, священникъ Сергій Архангельскій; церкви села Иванисова, того же уѣзда, священникъ Александръ Добровольскій; церкви Лемешенской фабрики заштатный священникъ Стефанъ Снятиновскій; церкви погоста Успенскаго, вязниковскаго уѣзда, діаконь Іоаннъ Кудрявцевъ; церкви села Бутылицъ, меленковскаго уѣзда, діаконь Аристархъ Добролюбовъ; Гороховецкаго Николаевскаго монастыря монахъ Макарій; церкви села Фантырева, юрьевскаго уѣзда, псаломщикъ Петръ Виноградовъ.

Списокъ лицамъ духовнаго званія, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по гражданскому вѣдомству ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.

а) *саномъ протоіерея*—гор. Александрова, Христорождественскаго собора священникъ Николай Флоринскій; б) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—гор. Иваново-Вознесенска, шуйскаго уѣзда, церкви реального училища священникъ Іоаннъ Завазальскій; в) *камилавкою*—гор. Переславля, Преображенскаго собора священникъ Василій Виноградовъ; Благовѣщенскаго собора гор. Киржача, покровскаго уѣзда, священникъ Павелъ Лепорскій.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Отъ Его Высокопреосвященства преподано благословеніе:

Священнику села Панфилова, муромскаго уѣзда, Алексѣю Быстровзорову и крестьянину Козьмѣ Никифорову Королеву за пожертвованіе на распространеніе теплаго каменнаго храма въ селѣ Пайфиловѣ—Быстровзоровымъ 50 руб. и Королевымъ 30 руб.; церковному старостѣ села Василькова, суздальскаго уѣзда, крестьянину Николаю Ерастову и того же села крестьянину Якову Иванову за пожертвованія—Ерастовымъ ризы на икону Священномученика Власія въ 35 руб. и Ивановымъ ризы на икону Св. Велико-мученика Пантелеимона цѣною въ 80 р.; Переславскому 1 гильдіи жуццу Андрею Петрову Свѣшникову за пожертвованіе въ Богослов-

скую гор. Переславля церковь хоругвей стоимостью 50 руб.; Переславскому мѣщанину Василию Иванову Лепетову за пожертвованіе въ Ильинскую гор. Переславля церковь ризы на мѣстный образъ Спасителя, стоимостью 45 руб.; крестьянину гороховецкаго уѣзда, села Пестяковъ Ивану Николаеву Жорину за пожертвованіе въ Успенскую того села церковь иконы Св. Θεодосія Черниговскаго, писанной на кипарисной дскѣ по чеканному золоту, стоимостью 85 руб.; прихожанамъ села Исакова, юрьевского уѣзда, за пожертвованіе 300 руб. на устройство пола въ церкви того села; того же села Исакова крестьянамъ Павлу Иванову Павлову и Алексѣю Александрову Петрову и сельца Савельева крестьянину Василию Александрову Новожилову за пожертвованія на паникадило въ церковь упомянутого села Исакова—Павловымъ и Петровымъ 50 руб. и Новожиловымъ 30 руб.; крестьянину деревни Маркова Василию Дмитріеву Козлову за пожертвованіе въ церковь села Спасскаго, юрьевского уѣзда, св. сосудовъ со всѣми принадлежностями, на престольнаго креста, Евангелія и на престольнаго седмисвѣщника, всего на 100 руб.; прихожанамъ села Горокъ, юрьевского уѣзда, за пожертвованіе 325 руб. на устройство въ церкви того села двухъ четырехмѣстныхъ иконъ; потомственному дворянину Владимиру Владиміровичу Богданову и крестьянину Аверкію Петрову Шохтину за пожертвованіе въ церковь того же села Горокъ—Богдановымъ 50 руб. на пріобрѣтеніе иконы Св. Θεодосія Черниговскаго и Шохтинымъ 12 руб. на пріобрѣтеніе пасхальнаго ручного трехсвѣчника; той же церкви села Горокъ священнику Николаю Альбицкому съ церковнымъ старостою крестьянпномъ деревни Чагина Адрианомъ Ивановымъ Бѣловымъ за собраніе пожертвованій въ церковь.

Опредѣлены на мѣста — священническія: заштатный священникъ Іоаннъ Флеровъ, 8 мая, въ село Хватачево, ковровскаго уѣзда; окончившій курсъ семинаріи Михаилъ Преображенскій, 16 мая, въ село Зиновлево, покровскаго уѣзда; окончившій курсъ семинаріи Александръ Добронравовъ, 20 мая, въ село Аѳинеево, юрьевского уѣзда.

Псаломщиція: бывшій псаломщикъ села Малахова, владимірскаго уѣзда, Иванъ Соловьевъ, 10 мая, къ Ильинской г. Суздаля

церкви; бывшій воспитанникъ семинаріи Андрей Аониневскій, 13 мая, и. д. псаломщика въ село Поэлово, юрьевского уѣзда.

Перемѣщены на другія мѣста: и. д. псаломщика села Поэлова, юрьевского уѣзда, Сергѣй Архангельскій, 8 мая, въ погостъ Старозамотринскій, вязниковскаго уѣзда; и. д. псаломщика села Глазова, суздальскаго уѣзда, Алексѣй Скворцовъ, 17 мая, въ село Круглово, того же уѣзда.

Уволены за штатъ: священникъ села Зиновьева, покровскаго уѣзда, Іоаннъ Харламовъ, 16 мая; священникъ села Глазова, суздальскаго уѣзда, Павелъ Виноградовъ, 20 мая.

Скончались: псаломщикъ погоста Старозамотринскаго, вязниковскаго уѣзда, Владиміръ Архангельскій, 2 мая; псаломщикъ села Рождествина, владимірскаго уѣзда, Андрей Соколовъ, 8 мая.

Праздныя мѣста — священническія: въ гор. Переславлѣ при Усѣкновенской церкви; въ селахъ: Синжанахъ и Бутылицахъ, меленковскаго уѣзда; въ селѣ Гришинѣ, гороховецкаго уѣзда; въ погостѣ Горицахъ и селѣ Петроковѣ, муромскаго уѣзда; въ селѣ Пантелѣевѣ, вязниковскаго уѣзда, въ селахъ: Ярышевѣ и Глазовѣ, суздальскаго уѣзда; въ селѣ Волствиновѣ, юрьевского уѣзда; въ селѣ Соколовѣ, александровскаго уѣзда, и въ селѣ Крутцѣ, покровскаго уѣзда.

Псаломщиція: въ городѣ Владимірѣ при церкви училища слѣпыхъ дѣтей; въ селахъ: Рождествинѣ, владимірскаго уѣзда; Гончаровѣ и Глазовѣ, суздальскаго уѣзда; Михаиловскомъ, переславскаго уѣзда; Киноболѣ, Заборьѣ, Аониневѣ, Большомъ-Лучинскомъ и Вороговѣ, юрьевского уѣзда; въ селѣ Соколовѣ, александровскаго уѣзда, и въ пог. Троицкомъ, ковровскаго уѣзда.

Отъ Владимірскаго Архіерейскаго Дома.—Во Владимірскомъ Архіерейскомъ домѣ имѣется вакансія послушника съ первымъ теноромъ.

ЖУРНАЛЫ

създа о.о. уполномоченныхъ отъ духовенства Суздальскаго духовно-учебнаго округа, 22 — 23 января 1902 г.

Утреннее засѣданіе 22-го января.

1. О.о. уполномоченные отъ духовенства Суздальскаго духовно-училищнаго округа 22-го января собрались въ зданіе Суздальскаго духовнаго училища, въ составѣ двѣнадцати лицъ, занесли свои имена и фамиліи въ списокъ. По молитвѣ Св. Духу, приступили къ избранію изъ своей среды предсѣдателя и дѣлопроизводителя на настоящую сессію съезда.

Въ должность предсѣдателя избранъ единогласно священникъ Суздальскаго уѣзда села Закомелья Николай Ильинскій, а на должность дѣлопроизводителя священникъ того же уѣзда села Веси Алексѣй Благосклоновъ, о чемъ составленъ актъ за подписью о.о. уполномоченныхъ.

Постановили: актъ объ избраніи священника Николая Ильинскаго предсѣдателемъ съезда, а священника Алексѣя Благосклонова дѣлопроизводителемъ онаго представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства, а списокъ о.о. уполномоченныхъ, явившихся на съездъ, приложить къ дѣламъ настоящаго съезда.

2. Слушали резолюцію Его Высокопреосвященства, положенную на журналахъ съезда 23—24 января 1901 г.

Постановили: резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и руководству.

3. Слушали отношеніе правленія училища отъ 21 января сего 1902 г. за № 28 и разсматривали представленную при немъ книгу и отчетъ прихода и расхода суммъ по снабженію учениковъ учебниками.

Постановили: прихода-расходныя книги возвратитъ въ правленіе училища, отношеніе и отчетъ о движеніи суммъ по снабженію учениковъ учебниками приложить къ дѣламъ съезда, а священника г. Суздаля, Златоустовской церкви, о. Василія Сперанскаго, какъ завѣдующаго учебниками, благодарить за его безмездные и усердные труды.

4. Слушали репортъ отъ 15-го ноября 1901 года временно-ревизионнаго комитета по содержанію Суздальскаго духовнаго училища и при немъ актъ отъ 30 апрѣля 1901 г. о свидѣтельствovanіи суммъ, состоящихъ въ вѣдѣніи правленія Суздальскаго духовнаго училища и журналъ того же временнаго ревизионнаго комитета, повѣрявшаго экономическіе отчеты по училищу за 1900 г., а также отношеніе правленія Суздальскаго духовнаго училища отъ 21 января 1901 г. за № 29 объ избраніи 3-хъ свѣдущихъ въ счетной части и неучаствующихъ въ производствѣ расходовъ по содержанію училища, духовныхъ лицъ для ревизіи экономическаго отчета по содержанію училища и общежитія въ 1901 году.

Постановили: 1) означенный отчетъ признать правильнымъ и передать его въ правленіе училища; 2) членами ревизионнаго комитета оставить прежде бывшихъ—священника г. Суздаля Ризположенскаго монастыря Василія Соколова, священниковъ Покровскаго женскаго монастыря Іоанна Взорова и Димитрія Разумовскаго.

Вечернее засѣданіе 22-го января.

5. Слушали отношеніе правленія училища отъ 21 января сего года за № 31 о разрѣшеніи израсходовать внесенную правленіемъ въ смѣту расхода на 1902 г. сумму въ 1000 руб. на устройство при училищѣ новой деревянной бани и прачечной при ней, такъ какъ существующая при училищѣ баня деревянная, построенная въ 1889 году, пришла въ совершенную ветхость.

Постановили: въ виду того, что въ устройствѣ новой бани имѣется настоятельная нужда—устроить новую баню, но не деревянную, какъ предполагаетъ правленіе училища, а болѣе прочную каменную, какъ и ранѣе предполагалось правленіемъ училища и съѣздомъ духовенства,—и при томъ уже по имѣющемуся въ правленіи училища плану, составленному чертежникомъ Пуколовымъ 13 февраля 1900 г. и утвержденному г. епархіальнымъ архитекторомъ Корицкимъ согласно со смѣтой при ономъ приложенной, съ измѣненіемъ только высоты бани,—именно устроить вышину въ банѣ отъ чистаго деревяннаго пола до балокъ не менѣе $3\frac{1}{2}$ арш. А такъ какъ явившійся въ съѣздъ подрядчикъ по каменнымъ работамъ крестьянинъ села Стараго Двора, Владимірскаго уѣзда, Василій Михайловъ Дудочкинъ изъявилъ согласіе взять на себя подрядъ на постройку изъ своего матеріала училищной новой ка-

менной бани въ объясненномъ выше видѣ и по вышесказанному и утвержденному плану цѣною за 2300 руб. съ отдачей къ объясненной суммѣ бани, имѣющейся при училищѣ и пришедшей въ ветхость,—то съѣздъ и опредѣлилъ—сдать работу новой каменной бани вышеозначенному подрядчику Василю Дудочкину на всемъ его матеріалѣ, какой потребуется для окончательнаго устройства бани согласно плана смѣты и объяснительной при ономъ записки за вышесказанную имъ, Дудочкинымъ, подрядную цѣну въ 2300 руб. съ отдачей при этомъ въ его, Дудочкина, пользу старой деревянной училищной бани, но съ тѣмъ однако, чтобы новая каменная баня была обязательно выстроена къ 1-му августа сего года, а старую деревянную училищную баню предоставляется подрядчику Дудочкину разломать не ранѣе 1-го іюня сего года, при чемъ предварительно сломки при заключеніи условія на этотъ подрядъ Дудочкинъ долженъ внести залогъ въ 500 руб. Если же Дудочкинъ къ назначенному сроку 1-го августа и ни какъ не позднѣе 15-го августа не сдастъ правленію училища вновь построенную изъ своего матеріала каменную баню по вышеобъясненному условію, то онъ обязанъ уплатить еще неустойки 300 руб.; при чемъ подрядчикъ Дудочкинъ обязуется принять въ счетъ подрядной суммы въ 2300 р. и заготовленный ранѣе правленіемъ училища кирпичъ, какъ новый, такъ и старый по 15 руб. за тысячу. Деньги же за вышесказанную работу подрядчику Дудочкину выдавать такъ: когда баня будетъ устроена и принята правленіемъ училища, то выдать изъ онаго правленія указанную въ смѣтѣ расхода на 1902 г. на устройство бани 1000 руб., а остальные же деньги доплатить подрядчику Дудочкину въ теченіи слѣдующихъ 3-хъ лѣтъ изъ остаточныхъ суммъ училища. На вышеобъясненные условія подрядчикъ Дудочкинъ изъявилъ съѣзду свое согласіе,—съ обязательствомъ заключить съ членами строительной комиссіи нотаріальное условіе на постройку бани, принимая при семъ случаѣ гербовыя пошлины на свой счетъ. А члены комиссіи обязаны при заключеніи условія получить съ подрядчика Дудочкина залогъ въ 500 руб., каковой и представить для храненія въ правленіе училища. Въ члены же комиссіи съѣздомъ духовенства избраны слѣдующія лица: о. протоіерей Суздальскаго собора Алексій Вишняковъ, преподаватель Суздальскаго духовнаго училища священникъ Михайлъ

Снегиревъ, Златоустовской гор. Суздаля церкви священникъ Василій Сперанскій и подгороднаго села Сельца священникъ Дмитрій Покровскій. О такомъ избраніи членовъ комиссеіи для наблюденія надъ постройкой бани и представить вмѣстѣ съ планомъ, смѣтой и объяснительной запиской при ономъ на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

6. Слушали отношеніе правленія училища отъ 21 января сего года за № 33, коимъ оно проситъ разрѣшенія увеличить плату за содержаніе учениковъ въ общежитіи на 10 руб. и черезъ то дать возможность внести необходимыя улучшенія въ училищной жизни.

Постановили: плату за содержаніе учениковъ въ общежитіи увеличить для дѣтей окружного духовенства на 5 руб., а для дѣтей инословныхъ родителей на 10 руб. въ годъ. При этомъ съѣздъ позволяетъ себѣ надѣяться, что съ окончаніемъ постройки новой бани возможно будетъ уменьшить собираемый на содержаніе училища взносъ съ окружного духовенства.

7. Слушали отношеніе того же правленія отъ 21 января сего года за № 30, о разрѣшеніи израсходовать въ текущемъ 1902 г. внесенную правленіемъ въ смѣту для постнаго стола учениковъ общежитія на рыбу сумму до 512 руб.

Постановили: такъ какъ въ 1902 году предстоятъ большіе расходы по устройству новой бани, то для питанія учениковъ, живущихъ въ общежитіи въ постные дни на покушку рыбы положить не 512 руб., а 345 руб. 94 коп.

8. Слушали сообщеніе Владимірской Духовной Консисторіи отъ 15 февраля 1901 г. за № 1773 о томъ, что избраніе смотрителей свѣчныхъ складовъ и лавокъ лежитъ на обязанности окружныхъ училищныхъ съѣздовъ.

Постановили: такое сообщеніе Духовной Консисторіи принять къ свѣдѣнію и руководству.

Утреннее засѣданіе 23-го января.

9. Слушали отношеніе правленія училища отъ 21 января за № 32, — и разсматривали приложенную при немъ смѣту доходовъ и расходовъ на 1902 годъ по содержанію училища и общежитія, а равно и читали объясненіе при оной статей прихода и расхода.

Постановили: принять смѣту на 1902 годъ безъ измѣненій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, а именно: по статьѣ прихода 2 п. 3 сумму 3825 руб. отъ взносовъ на содержаніе учениковъ въ общежитіи въ 1902 году уменьшить приблизительно на 245 руб., такъ какъ съ дѣтей духовенства положено прибавить взноса за содержаніе въ общежитіи не 10 руб., а только 5 руб.; б) по ст. расхода 2 п. 10 на содержаніе учениковъ, живущихъ въ общежитіи положить вмѣсто 512 руб., только 345 руб. 94 коп.; затѣмъ по содержанію канцеляріи ст. 7 п. 1 сумму расхода въ 120 руб., на основаніи 41 ст. устава духовныхъ училищъ, совсѣмъ исключить изъ расхода на 1902 годъ, о чемъ уже и было ранѣе постановленіе съѣзда 1897 года 20 января въ томъ же смыслѣ.

Вечернее засѣданіе 23-го января.

Не имѣя болѣе вопросовъ, подлежащихъ обсужденію настоящаго съѣзда,—постановили: засѣданіе закрыть, журналы съѣзда представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства, а будущее очередное собраніе назначить на 21 января 1903 года.

На подлинномъ журналѣ съѣзда духовенства Суздальскаго духовно-училищнаго округа резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 31 января 1902 года, послѣдовала такая: «Утверждаются. Напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

С М Ъ Т А

доходовъ и расходовъ по содержанію Суздальскаго духовнаго училища на 1902 годъ.

№№ ст.	СТАТЬИ ПРИХОДА.	Предполагается къ поступленію въ 1902 г.	
		РУБ.	К.
	1. Осталось отъ содержанія училища и общежитія при немъ въ 1901 году:		
1	Денежныхъ суммъ	654	4 ¹ / ₂
2	Съѣстныхъ припасовъ на	81	51
	Итого	735	55¹/₂

2.			
	Имѣеть поступить на содержаніе училища и общежитія въ 1902 году:		
1	Вънчиковой суммы по трехлѣтней сложности ея поступления изъ Владимірской Духовной Консисторіи	518	40
2	Остатка отъ сбора на содержаніе параллельныхъ классовъ Семинаріи изъ Владимірской Духовной Консисторіи	318	98
3	Взносовъ отъ учениковъ за содержаніе ихъ въ общежитіи училища въ 1902 году	3825	—
4	Платы съ инословныхъ учениковъ за право обученія ихъ въ училищѣ по трехлѣтней сложности ея поступления	650	83 ¹ / ₂
5	Собираемыхъ съ духовенства о.о. благочинными, по постановленію съѣзда о.о. уполномоченныхъ	5181	—
6	‰‰ на денежные суммы, принадлежащія училищу по книжкамъ сберегательной кассы Суздальскаго казначейства	40	—
7	‰‰ на процентныя бумаги, принадлежащія училищу	19	—
8	Случайныхъ поступленій	50	—
9	1‰ взноса отъ поставщика хлѣбныхъ продуктовъ и освѣтительныхъ матеріаловъ съ общей суммы годового забора, согласно условію, заключенному на торгахъ	20	—
Итого		10623	21 ¹ / ₂
А всего		11358	77

в.ч. ст.

СТАТЬИ РАСХОДА.

Назначается
въ расходъ на
1902 г.

Руб. К.

1	Содержаніе личнаго состава служащихъ при училищѣ	1238	40
2	Содержаніе 100 воспитанниковъ, живущихъ въ общежитіи	5031	62
3	Содержаніе епархіальныхъ пансіонеровъ училища	928	30
4	Содержаніе и ремонтъ училищныхъ зданій и жилыхъ помѣщеній въ нихъ	1890	45

5	Содержаніе и ремонтъ служебныхъ помѣщеній и принадлежностей училища	1319	40
6	Содержаніе библиотекъ	200	—
7	Содержаніе канцеляріи	335	—
8	Содержаніе больницы	284	—
9	На мелочные и непредвидѣнные расходы по училищу и общежитію	125	—
А всего по вѣсьмъ ст. расхода		11352	17

Ж У Р Н А Л Ы

очередного сѣзда о.о. уполномоченныхъ Шуйскаго духовно-училищнаго округа, бывшаго 22 января 1902 года.

1. 1902 года января 22-го дня о.о. уполномоченные Шуйскаго духовно-училищнаго округа, собравшись въ зданіи Шуйскаго духовнаго училища, по молитвѣ Св. Духу, единогласно избрали предсѣдателемъ сѣзда священника гор. Иваново-Вознесенска Вознесенской церкви Іоанна Сокольскаго, а дѣлопроизводителемъ — гор. Шуи Спасской церкви священника Димитрія Грамматива.

По повѣркѣ списка, всѣхъ о.о. уполномоченныхъ, явившихся на сѣздъ оказалось 11 человекъ, 12-й же о. уполномоченный, села Михалева, ковровскаго уѣзда, священникъ Ѳеодоръ Соловьевъ по неизвѣстной причинѣ не явился.

2. По открытіи засѣданія, сѣздъ заслушалъ прежде всего журналы прошлаго очередного сѣзда, бывшаго 17 января 1901 г., съ резолюціей на нихъ Его Высокопреосвященства, которые и постановилъ принять къ свѣдѣнію и своему руководству.

3. Послѣ сего о.о. сѣзда разсматривали и обсуждали представленную училищнымъ правленіемъ, при отношеніи отъ 22 января 1902 года за № 36, смѣту прихода и расхода суммъ, имѣющихъ поступить въ 1902 году на содержаніе училища изъ мѣстныхъ средствъ Шуйскаго духовно-училищнаго округа.

По внимательномъ обсужденіи постановили: смѣту прихода и расхода по вѣсьмъ статьямъ принять полностью.

4. Сѣздъ слушалъ журналы ревизіоннаго комитета по повѣркѣ экономическаго отчета Шуйскаго духовнаго училища за

1900 годъ въ епархіальныхъ суммахъ, ассигнованныхъ на содержаніе означеннаго училища, нашель ихъ правильными и посему постановилъ: членамъ комитета—священнику Шуйскаго Воскресенскаго собора Николаю Широкогорову, священнику села Кузнецова Михаилу Мартирову и священнику села Взорнова Алексѣю Руберовскому выразить свою благодарность и просить ихъ же быть членами ревизіоннаго комитета и на 1902 годъ.

5. Слушали сообщеніе Владимірской Духовной Консисторіи, отъ 15 февраля 1901 года за № 1771, коимъ, вслѣдствіе предложенія Его Высокопреосвященства отъ 14 февраля 1901 года за № 667, она даетъ знать Шуйскому училищному сѣзду, что избраніе смотрителей свѣчныхъ складовъ и лавокъ, согласно § 6 проекта устройства Владимірскаго свѣчнаго завода, лежитъ на обязанности окружныхъ училищныхъ сѣздовъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію и по истеченіи срока службы о.о. смотрителей свѣчныхъ складовъ Шуйскаго духовно-училищнаго округа, при новыхъ выборахъ — къ руководству и исполненію.

6. Слушали отношеніе правленія Шуйскаго духовнаго училища, отъ 22 января 1902 года за № 37, въ коемъ сообщается сѣзду о.о. уполномоченныхъ, что староста училищной церкви, Шуйскій 2-й гильдіи купецъ Θεодоръ Ильичъ Гундобинъ въ текущемъ январѣ мѣсяцѣ приступилъ, главнымъ образомъ, на свои средства къ окраскѣ во вновь устроенномъ имъ Θεодоровскомъ придѣлѣ стѣнъ масляными красками и къ позолотѣ иконостаса, клиросовъ и всѣхъ кіотъ.

Постановили: выразить глубокую благодарность отъ Шуйскаго духовно-училищнаго округа Шуйскому купцу Θεодору Ильичу Гундобину за его примѣрную заботливость о благолѣпнн училищнаго храма и щедрыя пожертвованія на его нужды.

7. Слушали прошеніе эконома училищнаго общежитія Гавріила Ведерникова о прибавкѣ къ получаемому имъ жалованью, въ количествѣ 20 руб. въ мѣсяцъ, какой-либо денежной суммы за тѣ его излишніе труды по дѣламъ общежитія, которые ему иногда, особенно же весной, за невозможностью найти въ то время за положенную плату—7 руб. въ мѣсяцъ нужную прислугу, нести приходится самому.

Постановили: за неимѣнемъ въ наличности какихъ-либо свободныхъ суммъ, прошеніе Ведерникова оставить безъ удовлетворенія.

Не имѣя болѣе предметовъ для своего обсужденія, съѣздъ постановилъ: настоящее засѣданіе свое считать закрытымъ, а будущей очередной училищный съѣздъ назначить на 21-е января 1903 года.

На подлинныхъ журналахъ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 25-го января за № 102, послѣдовала такая: «Утверждаются. Напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». «Сергій, А. В.»

С М Ъ Т А

суммъ, имѣющихъ поступить въ 1902 году на содержаніе Шуйскаго духовнаго училища изъ мѣстныхъ средствъ Шуйскаго духовно-училищнаго округа.

СТАТЬИ ПРИХОДА.	СУММА.	
	РУБ.	К.
I.		
Осталось отъ содержанія училища и общежитія при немъ въ 1901 году:		
1) Отъ разныхъ статей экономіи и другихъ поступленій	206	3
2) Съѣстныхъ припасовъ и разнаго рода потребностей на	40	71
II.		
Имѣеть поступить на содержаніе училища и общежитія при немъ въ 1902 году:		
1) 3% сбора съ доходовъ церквей и причтовъ Шуйскаго духовно-училищнаго округа (приблизительно)	6556	25
2) Вънчиковой суммы по трехлѣтней сложности ея поступленія изъ Владимірской Дух. Консисторіи	805	68
3) Остаточныхъ суммъ отъ содержанія параллельныхъ классовъ семинаріи изъ Владим. Дух. Консисторіи	436	89
4) Взносовъ отъ иносословныхъ и иноепархіальныхъ воспитанниковъ за право обученія въ училищѣ по трехлѣтней сложности ихъ поступленія	352	50

5) Взносовъ отъ шестидесяти одного (61) своекоштныхъ воспитанниковъ за полупархіальное содержаніе въ общежитіи (квартирою и столомъ) по 56 руб. съ cadaго	3416	—
6) Взноса отъ одного (1) своекоштнаго воспитанника за полное епархіальное содержаніе въ общежитіи (квартирою, столомъ и одеждою)	90	—
7) Взносовъ отъ двадцати (20) своекоштныхъ воспитанниковъ за пользованіе кроватями и постельными принадлежностями, по 5 р. съ cadaго, за 2 половину 1901—2 учебнаго года	100	—
8) Процентовъ со стипендіатскихъ капиталовъ (2350 р.) имени Высокопреосвященнѣйшаго Саввы и протоіерея о. Александра Николаевича Соколова	85	10
9) Процентовъ по двумъ книжкамъ сберегательной кассы государственнаго банка при Шуйскомъ уѣздномъ казначействѣ (приблизительно)	43	63
10) Процентовъ съ тринадцати (13) пятидесятирублевыхъ серій, по 1 р. 50 к. съ каждой	19	50
11) Случайныхъ поступленій отъ продажи сухарей, мѣшковъ и проч. т. под. (приблизительно)	70	—
Итого	12222	29

СТАТЬИ РАСХОДА.

Предполагается
привлеченіемъ
учаща къ
ассигнованію
на 1902 годъ.

РУБ. | К.

1) По содержанію училищной церкви	100	—
2) По содержанію личнаго состава служащихъ при училищѣ	1530	—
3) По содержанію учениковъ	4509	55
4) По содержанію училищныхъ домовъ и жилыхъ помѣщеній въ нихъ	4947	74
5) По содержанію библиотекъ	235	—
6) По содержанію канцеляріи	420	—
7) По содержанію больницы	380	—
8) На мелочные и экстраординарные расходы по училищному дому и общежитію	100	—
А всего	12222	29

Отъ Владимірскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 17 Марта 1902 года за № 3616, на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, Архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго, дано знать, что съ увольненіемъ Владимірскаго Епархіального Наблюдателя церковныхъ школъ священника Александра Васильева отъ сей должности, по случаю перехода его на службу въ другое вѣдомство, на вакантную должность Епархіального Наблюдателя церковныхъ школъ Владимірской епархіи назначенъ преподаватель Владимірской духовной семинаріи, кандидатъ богословія, статскій совѣтникъ Василій Добронравовъ, съ оставленіемъ его въ свѣтскомъ званіи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Высочайшія награды.—Епархіальныя извѣстія.—Журналы съѣздовъ о.о. уполномоченныхъ Суздальскаго и Шуйскаго дух.-учил. округовъ въ 1902 г.—Объявленіе.

ВЛАДИМІРСКІЯ ЄПАРХІАЛЬНА ВІДОМОСТІ

1 Іюня **№ 11.** 1902 г.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ

Василій Андреевич Жуковскій

*(по поводу пятидесятиліття со дня его смерти
12 апрѣля 1852 года).*

(Продолженіе).

19-го марта 1814 года русскими войсками былъ взятъ Парижъ, и Императоръ Александръ Благословенный вступилъ въ «столицу міра», какъ освободитель и умиротворитель всей Европы, какъ «вождь царей». Эта доблесть русскаго войска и Царя не могла не возбудить поэтическаго творчества В. А. Жуковскаго и

онъ, преисполненный чувствомъ вѣрноподданнической благодарности и любви, написалъ Императору Александру обширное восторженное «Посланіе», въ которомъ выразилъ Царю чувства, одушевлявшія въ то время не только его, но и весь русскій народъ. Свое «Посланіе Александру» В. А. Жуковскій начинаетъ скромнымъ вступленіемъ:

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
 Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: великій!
 Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
 Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
 Который для тебя вселенная сплетаетъ?...
 О русскій царь, прости! неволью увлекаетъ
 Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
 Гдѣ благодарностью возженный оиміамъ
 Стеклися въ даръ принести тебѣ народы міра —
 И, радости полна, сама играетъ лира.

Далѣе поэтъ вспоминаетъ вступленіе на престолъ Александра. Этотъ эпизодъ связанъ съ настоящимъ событіемъ тѣмъ, что въ немъ поэтъ видитъ совершившійся обѣтъ, данный Александромъ, «когда онъ клалъ на страшный крестъ державную десницу». Затѣмъ рисуетъ онъ состояніе Европейскихъ государствъ до Наполеоновскихъ войнъ. Это состояніе называетъ онъ «дремотой»:

.... Въ прорицающей паденье тишинѣ,
 Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
 Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
 Цари сей грозный сонъ считали за покой;
 И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
 Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ хладны,
 Лишь къ наслажденіямъ одной минуты жадны,
 Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
 Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
 Народы ликовать стекались толпами...

Этотъ «грозный сонъ», или покой, нарушаетъ французская революція, и съ дымящихся развалинъ воздвигается Наполеонъ, Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани.

Весь міръ затрепеталъ предъ нимъ.—Францію временъ Наполеона представляетъ поэтъ повергнутою въ рабство рядомъ картинъ, изображающихъ бѣдствія, которыя навлекъ онъ своими войнами на подданныхъ; картина Европы въ это время такова:

... Окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
 Смущалъ угрюмое молчаніе рабовъ,
 Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
 Спѣшавшихъ истребить еще пріютъ свободы...

И вотъ, среди всеобщаго унынія, вѣра обращаетъ взоры на Востокъ. Войну съ Россіей поэтъ называетъ «боемъ свободы съ насиліемъ». Послѣ упоминанія Бородина и Московскаго пожара, изображенъ рядъ бѣдствій отступающихъ французскихъ войскъ. Далѣе поэтъ изображаетъ то всеобщее сочувствіе, которое встрѣтилъ Александръ I въ Европѣ. Самъ Императоръ представленъ здѣсь на холмѣ, въ бронѣ, склоненнымъ на щитъ Агамемнономъ. Вступленіе русскихъ въ Парижъ Жуковскій изображаетъ очень кратко. Болѣе поэтическимъ представляется ему бывшее вскорѣ послѣ того (29 марта) торжественное молебствіе въ Свѣтлое Воскресенье на площади Согласія, гдѣ погибъ король Людовикъ XVI. На этой площади былъ воздвигнутъ алтарь, и семь русскихъ священниковъ совершали молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, въ присутствіи 80000 союзнаго войска. Къ этому событію относятся слѣдующіе стихи:

На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь царей
 Предъ миротворною святыней алтарей
 Велитъ своимъ полкамъ склонитъ знамена мщенья...
 ... Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ...

Возвращеніе Александра даетъ поводъ Жуковскому нарисовать идиллическую картину въ освобожденныхъ имъ странахъ, черезъ которыя онъ возвращался въ Россію. Поля, оживающія подъ плугомъ, виноградники, оживленную торговлю въ городахъ:

Вездѣ обиліе, надежда и покой.

Далѣе В. А. Жуковскій представляетъ Императора Александра одного, во дворцѣ, въ тишинѣ ночи. Душою паритъ онъ

надъ полвселенной, т. е. надъ Россіей. Съ бодрствованіемъ ея хранителя здѣсь представлена въ реторическомъ противоположеніи картина всеобщаго покоя. Мысль Царя при этомъ— о томъ, чтобы оставить имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ.

Затѣмъ поэтъ призываетъ Александра, оставивъ тронъ, невидимо вмѣшаться въ толпу, —вездѣ услышитъ онъ только благословеніе себѣ; во всякомъ домѣ первая чаша и первая пѣсня посвящена ему, благотворителю. «Посланіе» кончается призваніемъ Царя вѣрить своему народу и обѣтомъ: «все въ жертву за Царя»:

Прими жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:

За благодать царскую, краснѣйшую побѣдъ,

За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру

Толь древле славную отцовъ твоихъ порфиру,

За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,

За имя, данное на всѣ вѣка ему—

Здѣсь, окружая твой престоль, Благословенный,

Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной;

Какъ предъ ужасною святыней алтаря,

Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя.

«Посланіе Императору Александру I», посвященное вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ¹⁾, произвело глубокое

¹⁾ „Посвященіе“ весьма характеризуетъ личность поэта, его искренность и безкорыстіе служенія Царствующему Дому; а потому считаю нужнымъ привести его здѣсь: „Всемиловѣйшая Государыня! Воззрите съ благосклонностію на произведеніе стихотворца, уже имѣвшего счастье обратить на себя снисходительныя ваши взоры. Посланіе къ Государю Императору, Вашему Величеству мною поднесенное, есть выраженіе не однихъ чувствъ поэта, но вмѣстѣ и всего, что чувствуетъ народъ Русскій,—языкъ свободный и простой, данъ благодарности, данъ безкорыстнаго удивленія. Въ нынѣшнее время, столь славное для Русскаго народа, всякій Русскій стихотворецъ такъ же обязанъ славить своего царя, какъ и всякій, имѣющій благодарное сердце, выражать свои чувства передъ своимъ благотворителемъ. Нынѣ хвала дѣлаетъ болѣе чести поэту, нежели царю, который не ищетъ ея, но творитъ добро потому, что иного творить не можетъ; и не лезть теперь приводить стихотворца къ престолу, не бѣдная надежда заслужить награду, но славное имя Русскаго, но честь быть однимъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которые клялись въ вѣрности великому человѣку, за котораго жизнь отдать есть наслажденіе. Исполняю долгъ свой. Не думаю ла-

впечатлѣніе на все русское общество. Императрица Марія Θεодоровна, получивъ чрезъ А. И. Тургенева рукопись «Посланія», просила его прочесть это новое произведеніе В. А. Жуковскаго въ присутствіи всѣхъ членовъ своей Августѣйшей семьи и плакала слезами радости. По желанію Государыни «Посланіе» было роскошно напечатано на казенный счетъ (въ количествѣ 1200 экземпляровъ), и вырученныя отъ его продажи деньги должны были поступить въ пользу автора, которому, сверхъ того, Государыня пожаловала перстень. Когда при этихъ условіяхъ «Посланіе» попало въ провинцію, то приобрѣло тамъ положительно значеніе народнаго гимна: его читали въ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ семейныхъ домахъ, передъ увѣнчаннымъ лаврами бюстомъ Государя, и когда доходили до стиха:

Прими жь, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ,—
всѣ разомъ падали на колѣни.

сказать себя надеждою, что своими стихами выразилъ то величіе, которымъ мой предметъ блистаетъ; но я былъ уже счастливъ, стараясь изобразить его. Приношу мои хвалы не къ престолу моего царя, — онъ ихъ не требуетъ; но сердцу его матери, — и счастливъ буду, если она найдетъ въ моихъ чувствахъ нѣкоторое сходство съ собственными. Благодарность за то вниманіе, котораго Ваше Императорское Величество меня удостоили, котораго я не отважился ни надѣяться, ни искать, поселило въ меня эту смѣлость. И теперь никакой другой цѣли не имѣю, кромѣ этого ободрительнаго, столь сладостнаго чувства благодарности производящаго вниманія. Вашему Величеству угодно было удостоить меня награды, — даръ священной руки монаршей сохранится въ благодарной семьѣ, какъ памятникъ драгоцѣнной милости. Но теперь, Государыня, осмѣлюсь сказать свободно, что поднеся мое посланіе вамъ, матери нашего царя, героя, благотворителя, желаю заслужить одно только ваше одобреніе. Какъ стихотворецъ, я сказалъ вслухъ и весьма слабымъ языкомъ то, что каждый изъ моихъ соотечественниковъ чувствуетъ въ тайнѣ души своей — дерзкое, но счастливое право поэзіи. И если сердце матери — царицы, той, которая уже сама съ престола склонила на меня взоръ милости, будетъ тронуто голосомъ поэта, если мои соотечественники скажутъ, что я не обезобразилъ своими стихами ихъ благодарности къ нашему царю за его царскія добродѣтели, составляющія прямую честь и драгоцѣннѣйшую собственность народа, — тогда, какой счастливѣйшей награды желать мнѣ останется?» Соч. В. А. Ж., изд. Ефремова, 1901 г. стр. 110.

Къ 25-му декабря 1814 года было назначено праздновать воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ. По этому случаю Жуковскій написалъ стихи: «Пѣвецъ въ Кремль». Въ нихъ представленъ пѣвецъ русскихъ воиновъ, возвратившійся на родину и поющій пѣснь освобожденія въ Кремль, среди гражданъ московскихъ, въ виду жертвы, принесенной за отечество, и въ тотъ самый день, когда торжествующая Россія преклоняетъ съ благодарностью колѣни предъ Промысломъ, спасшимъ чрезъ нее всѣ народы Европы и всѣ блага свободы и просвѣщенія.

Пѣвецъ въ Кремль призываетъ русскій народъ прежде всего воздать благодареніе «Богу силъ», даровавшему побѣду надъ неприятелемъ; на этотъ призывъ народъ хоромъ отвѣчаетъ:

Греми торжественно въ Кремль

Днесь: Богу въ вышнихъ слава!

Живущимъ радость! миръ землѣ!

И Вѣчному держава!

Поэтъ воздаетъ хвалу Императору и побѣдоноснымъ русскимъ воинамъ и призываетъ на нихъ благословеніе Божіе:

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ

Склони, о Вседержитель,

Да и предъ мирными дрожить,

Какъ въ бранный день, губитель.

Поэтъ молить Бога объ упокоеніи «въ селеніяхъ праведныхъ» воиновъ, на полѣ брани положившихъ животъ свой за отечество:

Простри, Всевышній, длань Твою

На браннымъ сномъ почившихъ,

За Русь главы свои въ бою,

За правду положившихъ;

Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,

Гдѣ миръ твой обитаетъ,

Да твой незаходимый день

Имъ радостью сіяетъ.

Празднуетъ память освобожденія Россіи отъ нашествія галловъ, поэтъ съ особеннымъ чувствомъ благодарности и любви вспоминаетъ о «вождѣ побѣдителей», — Кутузовѣ, теперь уже умершемъ:

И гдѣ же ты, о вождь побѣдъ?

Мы гимнъ поемъ спасенья,
Почто жъ спасителя здѣсь нѣтъ?

На праздникъ Провидѣнья
Мы нынѣ въ Кремль свой притекли...

А нашъ герой не съ нами!

Здѣсь громы вражески въ пыли
Безмолвными рядами;

Здѣсь ихъ разбитые щиты,
Ихъ знамена кровавы;

Здѣсь наша слава... гдѣ же ты,
Создатель нашей славы?

Друзья, сей день да освятить

О немъ воспоминанье;

Да къ тѣни бранной долетить
Отечества призванье.

Почій же въ славѣ, нашъ герой!

Да при твоей гробницѣ

Архистратигъ, соратникъ твой,

Съ мечемъ небесъ въ десницѣ,

Стражъ пепла твоего, сидить;

Предъ ней, неугасимый,

Да пламенникъ любви горить,

Отчизною хранимый.

Слѣдующій 1815 годъ въ жизни В. А. Жуковского имѣлъ особенно важное значеніе: съ 4-го сентября этого года началась его придворная служба и продолжалась до 1841 года. Въ этотъ двадцатипятилѣтній періодъ времени В. А. Жуковскій поэзіей занимался сравнительно мало, потому что все его вниманіе и время было поглощено заботами объ исполненіи тѣхъ высокихъ и отвѣтственныхъ предъ лицомъ не только Россіи, но и Европы, педаго-

гическихъ обязанностей, какія благоугодно было возложить на него Императорамъ Александру I и Николаю I.

4-го сентября В. А. Жуковскій былъ представленъ вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая давно уже выражала желаніе лично познакомиться съ великимъ патріотомъ-поэтомъ. Представленіе состоялось въ Павловскѣ, любимомъ мѣстопребываніи Императрицы, гдѣ она въ своемъ знаменитомъ «Розовомъ павильонѣ» часто устраивала литературныя собранія, на которыя приглашались лучшіе представители тогдашней литературы. Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій Мелецкій, Гнѣдичъ — были постоянными посѣтителями этихъ собраній. Собранія не заключали въ себѣ чего либо официальнаго, но имѣли характеръ дружественныхъ литературныхъ бесѣдъ, на которыхъ Августѣйшая хозяйка обращалась съ своими гостями просто, безъ соблюденія мудренаго придворнаго этикета, мало знакомаго русскому писателю, и, обладая высокой образованностью и изящнымъ вкусомъ, часто являлась руководительницею и наставницею въ ихъ литературной дѣятельности. Въ этотъ придворный, просвѣщеннѣйшій кружокъ 4-го сентября и былъ принятъ В. А. Жуковскій, какъ давно желанный членъ; Императрица, цѣня въ нашемъ поэтѣ искреннюю преданность Своей семьѣ, милостиво соблаговолила оказать ему особенное монаршее вниманіе и любезность, назначивъ его состоять при своей особѣ чтецомъ. Этотъ знаменательный день навсегда остался въ благодарной памяти нашего поэта; вотъ какъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ описываетъ впечатлѣнія этого дня: «Я отправился туда (т. е. во дворецъ) одинъ, 4-го числа по утру и пробылъ тамъ три дня, обѣдалъ и ужиналъ у царицы, и возвратился съ сердечною къ ней привязанностію, съ самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ ласки необыкновенной. Въ эти три дня не было ни одной минуты, для меня неловкой. Простота ея въ обхожденіи такъ велика, что я никогда не думалъ, гдѣ я, и съ кѣмъ я. Однимъ словомъ, было весело, потому что сердце было довольно. Въ первый день было чтеніе

моихъ балладъ въ ея кабинетѣ въ приватномъ обществѣ, составленномъ изъ великихъ княгинь, двухъ или трехъ дамъ, Нелединскаго, Вилламова и меня. Читалъ Нелединскій сперва «Эолову арфу», потомъ «Людмилу», потомъ опять «Эолову арфу», которая особенно понравилась; потомъ «Варвика», потомъ «Ивика». На слѣдующемъ чтеніи, которое происходило уже въ большомъ кругу, читалъ я самъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ»; потомъ Нелединскій — «Старушку» и «Свѣтлану», и наконецъ «Пославіе къ Царю». Эти минуты были для меня пріятны, но не самыя пріятныя: здѣсь вмѣшивалось безпокойное самолюбіе автора. Но то, что было для меня *особенно пріятно*, есть чувство благодарности за самое трогательное вниманіе, за добродушную ласку, которая нѣкоторымъ образомъ уничтожила разстояніе между мной и государыней. Эта благодарность навсегда останется въ душѣ моей»¹⁾.

Не смотря, однакожь, на самый милостивый пріемъ у Государыни, на ея «необыкновенную» и «добродушную ласку», придворная жизнь, доселѣ совершенно чуждая нашему поэту, тяготила его и онъ почиталъ ее *хуже прежней*. «Мое *теперь* — хуже *прежняго*», писалъ онъ къ роднымъ въ Дерптъ, «здѣшняя жизнь мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь. Все, меня окружающее, ничтожно, или я самъ *ничто*, потому что у меня ни къ чему не лежитъ сердце, и рука не подымается взяться за перо, чтобъ описывать то, что мнѣ какъ чужое. И воображеніе поблѣднѣло; поэзія отъ меня отворотилась. Не знаю, когда она опять на меня взглянетъ»²⁾. Впрочемъ, недовольство В. А. Жуковскаго придворной жизнью продолжалось недолго: сблизившись съ любезнымъ и сердечнымъ Царскимъ Домомъ, онъ скоро почувствовалъ себя роднымъ членомъ его, какъ увидимъ это ниже.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Зейдлицъ, 87.

²⁾ Тамъ же. 90.

Художественные образы и юморъ Н. В. Гоголя.

(Речь по поводу пятидесятилѣтія со дня кончины).

Современное поколѣніе можетъ гордиться выпавшимъ на его долю счастіемъ — чувствовать память великихъ людей. Въ наши именно дни исполняются вѣщія слова Н. В. Гоголя, которыми ободрялъ онъ нѣкогда своего друга В. А. Жуковскаго. Вотъ что писалъ тогда Гоголь: «У насъ умѣютъ и знаютъ, какъ почтить того, кто сдѣлалъ дѣликомъ свое дѣло». Какая глубокая вѣра въ благородную душу Русскаго народа сказалась въ этихъ немногихъ словахъ! И эта вѣра не обманула поэта. Нынѣ вся обширная матушка-Русь слагаетъ одинъ величественный, громогласный, всенародный гимнъ въ честь своихъ славныхъ сыновъ, — Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, и наше скромное торжество является однимъ изъ аккордовъ этого гимна.

Гоголь — какое славное, дорогое имя; какъ оно близко, знакомо намъ всѣмъ. Это общій нашъ другъ и учитель съ самаго юнаго возраста. Кто не отдыхалъ душой надъ его «Вечерами на хуторѣ»; кто не смѣялся здоровымъ, освѣжающимъ смѣхомъ, читая «Миргородъ»; кто не переносился мечтою въ вольную Запорожскую Сѣчь, пробѣгая страницы «Тараса Бульбы»; кто, наконецъ, не знаетъ «Днѣпра» наизусть?

Мы привыкли видѣть въ немъ прежде всего геніальнаго художника. И дѣйствительно, въ области художественнаго творчества ему почти нѣтъ равнаго. Съ какимъ удивительнымъ мастерствомъ воплощаетъ онъ въ своихъ твореніяхъ самыя разнообразныя стороны родного быта. Только могучій духъ генія такъ умѣло справлялся съ безконечнымъ строемъ наполнившихъ его душу образовъ. Легкими штрихами, вѣрной рукой великій художникъ клалъ краски, и онѣ ложились не сухими мазками, а обращались въ живыя, одухотворенныя формы. Мы въ восторгѣ дивимся тому, какъ много на его палитрѣ красокъ,

невиданныхъ нами дотолѣ; мы поражены, видя, какъ подъ перомъ автора «Мертвыхъ душъ» воскресаютъ души живыя. Художественная натура Гоголя проявлялась на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ мимоходомъ брошенномъ замѣчаніи. Гоголь весь жилъ впечатлѣніями изящнаго; онъ совершенно погрузился въ міръ поэзіи и искусства. Читая его произведенія, мы присутствуемъ при самыхъ разнообразныхъ сценахъ, одинаково насъ увлекающихъ, одинаково художественно выполненныхъ. Но пусть смолкнетъ наше слабое слово тамъ, гдѣ великій поэтъ и черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти можетъ краснорѣчиво сказать самъ за себя. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые отрывки изъ его произведеній. Начнемъ съ первыхъ строкъ первой повѣсти — «Сорочинская ярмарка».

«Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ... На немъ ни облачка, въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожить жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи... Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками».

Невольно при чтеніи этихъ строкъ вспоминаешь стихи Барятинскаго, такъ хорошо опредѣлившаго внутренній міръ поэта:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,

Ручья разумѣлъ лепетанье

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

И чувствовалъ травъ прозябанье.

Вслѣдъ за картиной лѣтняго дня выступаетъ не менѣе художественное, блистающее яркими красками описаніе юной дочери Украйны съ ея своеобразной красотой. «На возу сидѣла хорошенькая дочка, съ круглымъ личикомъ, съ черными бро-

вями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя, вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ». Рядомъ съ ней — другое существо, ради котораго Гоголь не хочетъ тратить веселыхъ, свѣтлыхъ красокъ, — это мачиха. «Она сидѣла на высотѣ воза въ нарядной, шерстяной зеленой кофтѣ, по которой, будто по горностаевому мѣху, нашиты были хвосты краснаго только цвѣта, въ богатой плахтѣ, пестрѣвшей, какъ шахматная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, придававшемъ какую-то особенную важность ея красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь непріятное, столь дикое, что каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки». Тамъ дальше читаемъ, какъ Черевикъ на ярмаркѣ обмѣнивается привѣтствіями съ Голопупенковымъ сыномъ и, восхищенный молодецкой удалю послѣдняго, не долго думая, заключаетъ съ нимъ семейную сдѣлку. Вотъ бравый казакъ Вакула неожиданно является предъ любующейся своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ чернобровой Оксаной. Избалованная и капризная деревенская красавица кокетливо издѣвается надъ парубкомъ, требуя, чтобы онъ досталъ ей черевички «тѣ самые, которые носить царица»¹⁾.

«Давно, мое серденько, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ», подслушиваемъ мы въ «Майской ночи» разговоръ юной парочки. «У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое личико»... И подъ тихій плескъ засыпающаго пруда передается полная фантастической прелести легенда о печальной судьбѣ сотниковой дочки. «И вонъ, видишь-ли ты?» Тутъ оборотился Левко къ Ганцѣ, указывая пальцемъ на домъ. «Гляди сюда: вонъ подалѣе отъ дома самый высокій берегъ!

¹⁾ «Ночь передъ Рождествомъ».

Съ этого берега кинулась панночка въ воду. И съ той поры ея не стало на свѣтѣ». Тихая ночь во время этой бесѣды незамѣтно спустилась на землю. «Знаете-ли вы украинскую ночь?» восклицаетъ Гоголь. «О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяць; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душень, и полонъ нѣги и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь!... Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяць заслушался его посреди неба. Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село». Дальше новыя сцены и новыя лица. Дьячекъ Оома Григорьевичъ забавляетъ слушателей, охотниковъ до всякихъ страховъ, фантастическими разсказами о старинѣ, героемъ которыхъ неизмѣнно является его дѣдъ — «человѣкъ — не то, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ». Пришлось однажды этому храбрецу понавѣдаться чуть-ли не въ самое пекло, гдѣ собрались съ своими кавалерами особы прекраснаго пола, совершающія свои ночныя прогулки верхомъ на метлѣ. «Дрожь бы проняла крещенаго человѣка, увѣряетъ дьякъ, при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, не смотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостомъ, увивались около вѣдьмъ, а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ въ валторны. Только завидѣли дѣда — и турнули къ нему мордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофинныя, лошадиныя рыла — всё повытягивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала!»¹⁾ Какое богатство фантазіи, какая причудливость красокъ, и сколько жизни, движенія въ подобной картинѣ. А вотъ и она — вольная, славная Запорожская Сѣчь! «Вотъ то гнѣздо, откуда вылетали всѣ

1) «Прощавшая грамота».

тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы. Вотъ откуда разливалась воля и казачество на всю Украину! «На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожець безъ рубашки; онъ держалъ ее въ рукахъ и зашивалъ въ ней дыры... Около молодого запорожца четверо старыхъ выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, какъ вихорь на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслись въ присядку и били, круто и крѣпко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ далече отдавались гопакы и трепакы, выбиваемые звонкими подковами сапоговъ. Но одинъ всѣхъ живѣе вскрикивалъ и летѣлъ вслѣдъ за другими въ танцѣ. Чуприна развѣвалась по вѣтру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимній кожухъ былъ надѣтъ въ рукава, и потъ градомъ лилъ съ него, какъ изъ ведра ¹⁾). Долго пришлось бы намъ занимать вниманіе почтеннаго собранія, если бы мы поставили задачей обозрѣть весь богатый калейдоскопъ лицъ, сценъ, явленій жизни и картинъ природы, съ которыми встрѣчаемся еще только въ небольшой части литературныхъ трудовъ поэта,—той части, которая посвящена изображенію украинскаго быта.

Глубоко, сильно любилъ Гоголь свою родную Украину; много дала она и матеріала для его наблюдательности. Богатая, роскошная природа и самобытная жизнь Малороссіи не могли, конечно, не привлечь вниманія впечатлительной натуры поэта. Нигдѣ не сохранилось столько простоты, патріархальности въ бытовыхъ отношеніяхъ, столько наивности въ воззрѣніяхъ на міръ, какъ въ Малороссіи. Всевозможныя дива—вѣдьмы, бѣсы, упыри нигдѣ не имѣли столько суевѣрныхъ почитателей, какъ здѣсь. Но въ то же время рѣдкая страна воспитывала такихъ неустрашимыхъ, самоотверженныхъ героевъ, защитниковъ родины, поборниковъ вѣры православной, какихъ дала въ свое время Запорожская Сѣчь. И Гоголь былъ однимъ

¹⁾ «Тарась Бульба».

изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ родинѣ. Еще ребенкомъ, затаивъ дыханіе, слушалъ онъ рассказы отца, отъ которыхъ вѣяло чисто украинской поэзіей. Это былъ моментъ, въ который зарождался будущій великій художникъ и любящій сынъ Малороссіи. Смыслъ взятыхъ имъ изъ исторіи и быта Украины образовъ заключается не въ этнографіи и не въ одномъ веселомъ разсказѣ; нѣтъ, онъ нашелъ въ жизни народа столько поэтическихъ мотивовъ, сколько до него не находилъ никто изъ нашихъ писателей. «Это не была идеализація въ чувствительномъ стилѣ; Гоголь не думалъ скрывать, что въ этомъ быту есть не мало грубаго, но онъ умѣлъ найти тонъ, въ которомъ далъ читателю видѣть эту грубость, а рядомъ далъ видѣть и то поэтическое прекрасное, что заключалъ этотъ бытъ»¹⁾. Все, что относится къ обрисовкѣ типовъ и характеровъ, всѣ подробности въ изображеніи обыденной малороссійской жизни, описанія ярмарокъ, вечерницъ, уличныхъ сценъ, домашнихъ бесѣдъ, наконецъ, всѣ безъ исключенія картины природы являются плодомъ вполне самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнородныхъ впечатлѣній жизни. Образы и картины, созданные имъ, строго говоря, не правдивы въ смыслѣ точнаго и разносторонняго изображенія жизни, это не фотографіи дѣйствительности; но они по своему говорятъ намъ о дѣйствительности, о человѣкѣ ту правду, которую не скажетъ самое точное изображеніе ихъ. Обличая нѣкоторыхъ недаленовидныхъ критиковъ Гоголя, Бѣлинскій говоритъ: «Добрые люди,—они не понимаютъ, что вѣрно списывать съ дѣйствительности невозможно, но можно вѣрно воспроизводить дѣйствительность силою творческаго духа... Въ истинно-художественномъ произведеніи всѣ образы новы, оригинальны, ни одинъ не повторяетъ другого, но каждый живетъ своей особой жизнью». Первые разсказы Гоголя, помѣщенные въ сборникъ «Вечера на хуторѣ», носятъ явные слѣды соединенія двухъ основныхъ элементовъ: описательнаго, быто-

¹⁾ Пыпинъ.

вого и повѣствовательнаго, легендарнаго. Съ особеннымъ вниманіемъ и любовію отнесся поэтъ въ описательной части своихъ литературныхъ опытовъ къ изображенію обаятельныхъ женскихъ типовъ, онъ увлекательно рисуетъ ихъ граціозную, иногда лукавую женственность, освѣщая ихъ огнемъ восторженнаго лиризма. При описаніи молодой женской красоты, въ порѣ семнадцатой весны, онъ любитъ изображать яркій румянецъ щекъ, черныя брови и глубокій пронизательный взоръ. Таковы въ его изображеніи Параска, Ганна, Оксана. Въ пожилыхъ женщинахъ Гоголь по преимуществу видитъ, за рѣдкими очень исключеніями, разные недостатки: сварливость, мелкое любопытство, страсть къ сплетнямъ. Юные парубки занимаютъ поэта проявленіемъ въ ихъ могучихъ натурахъ казацкихъ чертъ, — своимъ безавѣтнымъ разгуломъ, удалію и безстрашіемъ. Въ старшемъ поколѣніи казаковъ, оставляя въ сторонѣ извѣстныя идеальныя черты запорожскаго типа, съ поразительной рельефностью обрисованнаго въ «Тарасѣ Бульбѣ», кромѣ невозмутимаго хладнокровія, безопасности, упрямства, нѣкотораго неравнодушія къ горилкѣ, отмѣтимъ особенно комическую способность съ непостижимой быстротой переходить отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ, совершенно противоположнымъ. Когда оскорбленный неучтивыми замѣчаніями собесѣдника дьячекъ Оома Григорьевичъ совсѣмъ уже собрался поднести ему подъ самый носъ дулю, хозяйка догадалась «поставить на столъ горячій книшъ съ масломъ, и рука Оомы Григорьевича вмѣсто того, чтобы показать шишъ, протянулась къ книшу и, какъ всегда водится, всѣ начали прихваливать мастерицу — хозяйку».

Особенно часто любилъ Гоголь изображать наивное благоговѣніе крестьянъ предъ сельскими властями, вродѣ головы или комиссара, и разными учеными людьми деревенскаго міра, въ лицѣ ихъ представителей — дьячковъ и семинаристовъ. Въ повѣсти «Страшный кабанъ» объ учителѣ — семинаристѣ Иванѣ Осиповичѣ замѣчено, что «гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки,

и солидные, вооруженные черными и сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны». Въ «Майской ночи» передъ сельскимъ головой «дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку во все продолженіе, когда голова запускалъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку». Есть и еще область, въ которой по преимуществу нашелъ себѣ просторъ творческій духъ Гоголя,—это описаніе вѣчныхъ красотъ природы. Здѣсь поэтъ является сыномъ юга: онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторгомъ. Изображеніе задумавшагося, по выраженію Гоголя, вечера, обаятельной украинской ночи въ «Утопленницѣ» и зимней морозной ночи передъ Рождествомъ, кажется, не имѣютъ себѣ равныхъ во всей русской литературѣ¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ такой волшебной кистью нарисована картина чуднаго сіянія звѣзднаго неба, спокойно и съ невыразимой нѣгой разлитаго (сіянія) повсюду, на сколько простирается поле зрѣнія; такъ искусно уловлено и представлено производимое въ такіа поэтическія минуты дѣйствіе природы на человѣка, что невыразимая прелесть одинъ разъ нѣжной, благоухающей, весенней, въ другой—морозной ночи, царящей надъ землей, живо ощущается при чтеніи въ продолженіе всего разсказа, отличающагося замѣчательной художественной выдержанностью. Не смотря, однако, на все мастерство бытовыхъ штриховъ, «Вечера на хуторѣ» представляются намъ скорѣе прекраснымъ романтическимъ сномъ юности, чѣмъ законченнымъ твореніемъ художника. Здѣсь все еще какъ бы зрѣть. Самая природа еще какъ бы боится выйти на свѣтъ Божій въ будничномъ нарядѣ. Почти всѣ картины одѣты волшебнымъ сіяніемъ луны, и соловьиный рокоть не скупясь осыпаетъ очарованный міръ.

Въ эту раннюю пору литературной дѣятельности фантазія Гоголя была настроена свѣтло и радостно, что неизбѣжно должно было отразиться на характерѣ его чудныхъ грезъ въ

¹⁾ Шенрокъ.

«Вечерахъ на хуторѣ», грезь, плѣнительныхъ свѣжестью и нѣжнымъ благоуханіемъ этихъ первыхъ цвѣтовъ его творчества. И обаятельная веселость, которой дышетъ каждая строка повѣстей, имѣла тогда своимъ источникомъ присущую юности безграничную вѣру въ собственныя силы и въ свѣтлую звѣзду счастья, манившую его въ безпредѣльный просторъ жизни. Сила непосредственнаго, неудержимаго смѣха въ немъ была ключемъ. «Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе (тревожные) вопросы, подталкивала», объясняетъ Гоголь. Стоило захотѣть, и самые затѣйливые, потѣшные лица, образы, сцены сходились, выстраивались, комически перепутывались въ фантазіи. Но годы шли, и жизнь налагала на поэта свою тяжелую руку. Житейскія невзгоды рѣзко оборвали этотъ беззаботный смѣхъ, это заразительное веселье. Свойственная чуть-ли не всѣмъ истиннымъ весельчакамъ смѣна смѣха тоскою, уныніемъ, — естественная реакція слишкомъ возбужденной нервной системы, — была замѣтна у Гоголя очень рано. «Такъ ужъ на свѣтѣ дивно устроено, объясняетъ въ одномъ мѣстѣ Гоголь. — веселье мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься надъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ, что взбрѣдетъ въ голову». Послѣ выпуска въ свѣтъ перваго сборника произведеній уже разсѣялось радужное царство молодыхъ мечтаній, которыми такъ украшается юность, представляющая міръ въ своемъ пылкомъ, свѣжемъ воображеніи усыпаннымъ цвѣтами триумфальнымъ путемъ. Когда эта розовая пелена спала, когда во всей ужающей наготѣ раскрылся передъ поэтомъ возмутительный омутъ житейской пошлости, и онъ глубоко почувствовалъ суровый трагизмъ жизни, всегда скрытый подъ ея будничной монотонностью, — многое изъ знакомаго ему съ ранняго дѣтства представилось въ иномъ свѣтѣ. Способность смѣяться, — характерная природная черта Гоголя (по отзыву всѣхъ близко стоящихъ къ нему лицъ) — не утратилась, но въ самомъ смѣхѣ начинаютъ звучать новыя ноты; смѣхъ начинаетъ растворяться тѣми слезами, сквозь которыя поэтъ озиралъ окружающій міръ.

«Я увидѣлъ, пишетъ Гоголь, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужь лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго». И онъ самъ сознается, что смѣхъ, разлитый въ повѣстяхъ, изданныхъ послѣ «Вечеровъ на хуторѣ», «уже не тотъ, какой былъ прежде», такъ какъ «самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами, окончилась вмѣстѣ съ молодыми лѣтами¹⁾». Теперь уже нѣчто другое окрыляло поэта. Внутренно, инстинктивно онъ сознавалъ, что призванъ сдѣлать что-то важное, полезное, для общества. Литературное поприще дѣлается для него ареной общественнаго служенія; создавая литературныя произведенія, онъ «исполняетъ тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго даны ему способности и силы. Я вѣрилъ, пишетъ Гоголь, «что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ»²⁾. И такъ, желаніе послужить обществу заставило поэта измѣнить характеръ литературной дѣятельности, а юморъ, присущій его натурѣ, далъ ему могучее орудіе въ борьбѣ съ общественными недугами,— орудіе, о существованіи котораго долгое время, кажется, не подозрѣвалъ и самъ обладатель его. «Ни я самъ, сознается Гоголь, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, не смотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками; хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя усколь-

¹⁾ «Авторская исповѣдь».

²⁾ Ibid.

зають отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать челоуѣка, т. е. угадать, что онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей»¹⁾). Въ широкой мѣрѣ воспользовавшись этой способностью въ своихъ литературныхъ трудахъ, великій поэтъ и вступилъ на тотъ путь, въ исходѣ котораго начертаны были для него слова: «безсмертіе» и «слава».

(Окончаніе слѣдуетъ).

О прошломъ и настоящемъ положеніи православной церковной общины или прихода.

(Окончаніе).

Начертивъ общую схему жизни нашей церковной общины въ древности, присмотримся теперь нѣсколько ближе къ нѣкоторымъ ея бытовымъ подробностямъ, причемъ замѣтимъ, что мы вовсе не намѣрены идеализировать прошлое, но хотимъ освѣтить нѣкоторыя выдающіяся хорошія черты нашей древней, до Петровскихъ временъ, церковно-общественной жизни.

О сплоченности и живой дѣятельности нашихъ церковныхъ общинъ въ древности краснорѣчиво свидѣтельствуетъ существованіе почти повсемѣстно по приходамъ «братчинъ», этихъ пировъ прихожанъ въ складчину въ дни храмовыхъ и другихъ высокочоржественныхъ праздниковъ.

Церковно-благотворительный характеръ этихъ «братчинъ» усматривается въ томъ, что по древнему обычаю въ дни, предшествовавшіе празднику (канунъ), прихожане приносили на вечерни вмѣстѣ съ кутьей въ честь праздниковъ или святыхъ разные съѣстные припасы и овощи, которые шли въ даръ священникамъ, а въ день праздника, когда подъ предсѣдательствомъ церковнаго старосты, справлялась братчина (по-

¹⁾ Ibid.

кровщина, успенщина, никольщина и др.), приглашалась къ трапезѣ и убогая братія. На этихъ складочныхъ пирахъ выпивались заранѣе приготовленное и благословенное пиво и медъ, а воскъ, оставшійся отъ этого сыченія меда, шелъ на церковныя свѣчи; равно какъ на пользу церковныхъ потребностей и нуждъ отдѣлялась часть отъ приношеній, которыя выражались и въ денежныхъ суммахъ.

Весьма важно отмѣтить, что за этими братчинами, при господствѣ въ древности общинныхъ началъ, укрѣпилось—въ лицѣ ихъ старосты и его помощниковъ—право суда надъ лицами, совершившими во время собранія буйство, драки, безчинства и покражи.

Въ судныхъ грамотахъ Новгородской и Псковской—XIV—XV вѣковъ—встрѣчается слѣдующая юридическая норма: «братчина судить какъ судьи». Конечно, такой судъ братчинъ, обходившійся безъ платежа тяжелыхъ судебныхъ пошлинъ, былъ судомъ примирительнымъ по дѣламъ маловажныхъ правонарушений, учиненныхъ нерѣдко въ состояніи опьяненія, и которыя можно было тутъ-же на мѣстѣ покончить миромъ, съ уплатою обиженному небольшой пени.

Лѣтомъ очевидно такія собранія прихожанъ происходили чаще всего подъ открытымъ небомъ, около церкви, на погостѣ, но зимой (особенно на сѣверѣ Россіи) прихожане собирались въ особыхъ пристройкахъ къ церкви, носившихъ названіе «трапезъ». Сюда же собирались по воскресеньямъ на сходъ приходскіе люди для обсужденія и рѣшенія своихъ земскихъ, мірскихъ дѣлъ, и здѣсь рѣшались на церковной сходкѣ съ церковнымъ старостой во главѣ и совмѣстно съ причтомъ все церковныя общинныя дѣла; именно принимались отчеты отъ церковнаго старосты съ очисткой его предъ образами, совершались выборы новыхъ церковныхъ старостъ, съ передачей имъ хранившейся всегда при церкви «всемирской коробки», заключающей въ себѣ церковную казну и документы, а также

и избраніе новыхъ членовъ причта и заключеніе съ ними особыхъ договоровъ.

Христіанская благотворительность осуществлялась въ древности также и по приходамъ. По уставу Свят. Владиміра всѣ нищіе въ приходѣ, калѣки, слѣпые, вдовы и сироты были людьми церковными «и церковь должна» была содержать ихъ и завѣдывать ими. И дѣйствительно, мы видимъ въ старину около церквей, вмѣстѣ со священническими и причетническими дворами, на погостахъ, келліи для нищихъ, которые въ нихъ селились для удобства собиранія милостыни по церквамъ. Памятуя, что церковное богатство есть нищихъ «богатство», наши предки считали церковную казну предназначенной также и для помощи неимущимъ. Какъ усматривается изъ актовъ, относящихся до сѣверныхъ приходовъ, мѣръ обязывалъ церковнаго старосту давать помощь изъ церковной казны, хлѣбомъ и деньгами, неимущимъ безмездно и подъ ссуду, такъ что въ нѣкоторомъ отношеніи церковная казна являлась какъ-бы крестьянскимъ банкомъ, помогавшимъ крестьянамъ въ ихъ сельско-хозяйственныхъ оборотахъ и игравшимъ такимъ образомъ видную роль въ экономическомъ благосостояніи древняго прихода.

Надо также замѣтить, что, по изысканіямъ новѣйшихъ историковъ, до-петровская сельская Русь была грамотнѣе нежели въ послѣдующее время, и эта грамота получалась сельчанами отъ «учительныхъ людей» (мастера),—въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ надо поставить дьячка,—проживавшихъ по приходамъ. Относительно грамотности сельскаго люда въ глубокую старину имѣется драгоцѣнное свидѣтельство Стоглаваго собора. «Прежде сего», говорится въ актахъ собора, «въ російскомъ царствѣ,—на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ,—многія училища бывали, грамотѣ и писати и пѣти и чести учили, и потому тогда грамотѣ и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было, но пѣвцы и

чтецы и добры писцы тогда славны были по всей земли и до днесь». Изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ мы, напримѣръ, узнаемъ, что онъ учился грамотѣ въ школѣ, бывшей у дьячка въ селѣ Карачаровѣ. При встрѣчѣ съ Колѣбникомъ—Прохожимъ послѣдній говорить Ильѣ: «О еси ты Илья Муромецъ! помнишь-ли мы съ тобой въ одной школѣ грамотѣ учились».

Приходы наши въ древности, какъ мы видимъ, были «юридическими лицами». Древне-русскій приходъ являлся учрежденіемъ организованнымъ, заключавшимъ въ себѣ определенное количество приписанныхъ къ церкви приходскихъ дворовъ, обладавшимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общею приходскою земельною собственностью («земля церковная братская»), и имѣлъ своего представителя, въ лицѣ церковнаго старосты. Относительно этой приходской собственности и о правѣ прихода защищать ее на судѣ отъ посягательства третьихъ лицъ, въ Псковской ссудной грамотѣ прямо говорится: «А за церковную землю и на судъ сусѣди (т. е. прихожане) не ходять, иди на судъ старостамъ за церковную землю».

Этимъ древнимъ законоположеніемъ вполнѣ устанавливаются всѣ главные элементы, необходимые для признанія прихода за юридическое лицо. Приведенный выше законъ, рассматривая приходъ, какъ организованное церковно-общественное учрежденіе, закрѣплялъ за нимъ право имѣть собственность и представительство въ лицѣ избраннаго церковнаго старосты на судѣ и предъ властями. Это юридическое лицо по отношенію къ церкви наглядно связывалось въ одно цѣлое общей приходской главной книгой, въ которой обозначались всѣ наличные члены прихода, и такая книга, какъ извѣстно, велась въ древнее до-петровское время, когда было сдѣлано ограниченіе о веденіи только трехъ, такъ называемыхъ метрическихъ книгъ, а именно, о родившихся, о бракосочетающихся и объ умершихъ.

Этими небольшими свѣдѣніями о внутренней жизни и

устояхъ нашихъ церковныхъ общинъ въ старину мы здѣсь и ограничимся.

Теперь мы должны коснуться въ самыхъ сжатыхъ чертахъ причинъ упадка жизнѣдѣтельности нашей церковной общины.

Безспорно, что самымъ тяжкимъ временемъ для жизни нашихъ православныхъ приходоѡ слѣдуетъ признать XVIII и первую половину XIX вѣковъ, вплоть до воцаренія императора Александра Николаевича. Полное закрѣпощеніе крестьянъ и распространеніе среди нихъ раскола, а среди образованныхъ людей, отрѣшенныхъ отъ народа, невѣрія, мистицизма и сектантства, подрывали значительно устои нашей церковности. Наша церковная община теряла свою жизнеспособность подъ наплывомъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Къ числу этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ надо также отнести нѣкоторыя неудачныя правительственныя мѣропріятія, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

Въ постановленіяхъ «духовнаго регламента» о положеніи церковной общины еще отразился живительный духъ старины. Приходъ разсматривался, какъ совокупность извѣстнаго количества жилыхъ дворовъ въ опредѣленномъ округѣ, т. е. подъ приходомъ разумѣлась «территоріальная, церковная, всесословная единица». Древне-русское право избранія всѣми прихожанами своего духовнаго отца, т. е. священника и прочихъ членовъ причта, было закрѣплено за православнымъ приходомъ, и это право связывалось съ правомъ вступленія прихода, какъ юридическаго лица, въ договоръ съ избираемыми членами причта, по которому церковная община принимала на себя все содержаніе (ругу) этого члена, а послѣдній обязывался выразить согласіе на принятіе этого содержанія. Равно приходу предоставлено было право избранія своего представителя, т. е. церковнаго старосты, на котораго, между прочимъ, была возложена обязанность строить, по старому обы-

чаю, при церквахъ богадѣльни «ради нищенствующихъ больныхъ», а также устраивать на сборныя церковныя средства дома для причта и воспитательные дома для подкидышей.

Этотъ существенный законъ для устойчивости «приходскаго права» (*jus parochiale*), какъ мы видимъ изъ синодальнаго опредѣленія отъ 18 іюля—8 августа 1884 года за № 1514, является дѣйствующимъ закономъ и понынѣ, и синодальная власть ясно указала, что право избранія приходомъ своихъ священно и церковнослужителей, въ смыслѣ заявленія ими епископу своего желанія имѣть преимущественно извѣстное лицо, или въ смыслѣ свидѣтельства о добрыхъ качествахъ ищущаго рукоположенія лица, не было отмѣняемо. Между тѣмъ на практикѣ мы видимъ и по настоящее время полное ослабленіе этого порядка, основаннаго на глубокомъ этическомъ началѣ свободнаго избранія своего духовнаго отца, наставника и руководителя, каковое начало можетъ успѣшно примѣняться лишь при условіи существованія въ церковной общинѣ того духа искренней христіанской общительности, которая связываетъ эту общину въ одно живое цѣлое. Историческая справка намъ разъясняетъ, что разстройству вышеуказаннаго порядка, помимо утраты нашими церковными общинами этого духа христіанской общительности и наступившаго вслѣдствіе сего охлажденія между духовенствомъ и паствою, много содѣйствовали неправильныя толкованія закона объ избраніи приходами членовъ причта, данныя въ предписаніяхъ духовнаго вѣдомства еще въ самомъ концѣ XVIII вѣка.

Другою неблагоприятною мѣрою для успѣшнаго веденія церковно-общественныхъ дѣлъ было отнятіе въ 1808 году «экономическихъ» суммъ у приходскихъ церквей (около 6 милліоновъ). вмѣстѣ съ отрицаніемъ права собственности отдѣльных приходскихъ церквей на ихъ капиталы и доходы, существенно нарушилось и самоуправленіе церковныхъ общинъ, и выборная должность церковнаго старосты утратила свое

прежнее представительное значеніе. Вскорѣ за этой мѣрой послѣдовало въ 1819 году (П. С. З. № 27622) совершенно неправильное распространеніе на приходскія церкви того ограничительнаго порядка на приобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній, который былъ установленъ для архіерейскихъ домовъ и монастырей. Этотъ важный вопросъ былъ обстоятельно разработанъ особымъ присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства, которое предполагало къ 1870 году даровать естественныя льготы на приобрѣтеніе приходскими церквами недвижимыхъ имуществъ, но все это дѣло не получило желательнаго разрѣшенія, и стѣснительная форма приобрѣтенія приходскими церквами недвижимыхъ имуществъ оставлена безъ измѣненія. Наконецъ, на ряду съ этими неблагоприятными правительственными мѣрами надо поставить и часто встрѣчающееся неправильное толкованіе духовными и свѣтскими властями помѣщеннаго въ гражданскихъ законахъ (ст. 698 т. X, ч. I св. зак.) выраженія «церковь» лишь въ значеніи храма, т. е. мѣста и учрежденія для богослуженія и богомоленія, и признаніе только за понимаемой въ этомъ смыслѣ «церковью» права юридическаго лица, правоспособнаго къ приобрѣтенію церковныхъ имуществъ.

Всѣ эти законоположенія и мѣропріятія, стѣсняющія правильное осуществленіе церковно-общественныхъ правъ и отправленіе церковно-общественныхъ обязанностей въ приходѣ, относятся къ до-реформенному времени, т. е. времени царствованія императоровъ Павла, Александра I и Николая I. Пробужденіе общественной мысли и дѣятельности не могло послѣдовать въ эпоху крѣпостнаго права и подавленія церковно-земскихъ устоевъ, и какъ только это непосильное бремя было снято «по манію Царя» съ русскаго народа, тотчасъ же въ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сферахъ и въ русскомъ обществѣ возникла настоятельная потребность возстановить и оживить заглохнувшую церковно-общественную жизнь.

Никогда еще въ Россіи не высказывалось образованнымъ

обществомъ такого напряженнаго желанія подвергнуть коренному преобразованію всю сферу церковно-общественныхъ дѣлъ, какъ это обнаружилось въ шестидесятыхъ годахъ. Подобныя стремленія къ улучшенію общественнаго быта подготовляются вѣками, и всѣ жаждавшіе такого улучшенія понимали важность наступившаго момента и спѣшили высказать свои посильныя соображенія о направленіи предстоящей реформы, ея принципахъ и объемѣ, причемъ у многихъ авторовъ проглядывала одна общая и плодотворная мысль о томъ, что «созиданіе церкви» совершается цѣлою «церковью» и что на это великое дѣло призваны всѣ, — и духовные и міряне, богатые и бѣдные, знатные и простые.

Вопросъ «о приходѣ» выдвинулся на первый планъ. За автономію прихода, за самодѣятельность и самостоятельность церковныхъ общинъ высказывались: св. Синодъ въ его замѣчательномъ опредѣленіи отъ 17 іюля—7 августа 1859 года, епископъ камчатскій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) Иннокентій, создавшій при содѣйствіи графа Муравьева Амурскаго церковно-приходскій укладъ для пріамурскаго края, — незабвенные дѣятели по крестьянской реформѣ, въ томъ числѣ князь Черкасскій, признавшіе необходимость принятія «прихода» за единицу сельскаго общества, — министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, видѣвшій великую пользу въ поощреніи самостоятельности приходскихъ обществъ, — главноуправляющій собственною Е. И. В. канцеляріей, развивавшій свои просвѣщенныя мысли о самостоятельности приходскихъ общинъ, разсматриваемыхъ, какъ органъ тѣснѣйшаго сближенія церкви и государства. Въ цѣломъ рядѣ газетныхъ и журнальныхъ статей наши ученые, публицисты и скромные практическіе дѣятели изъ духовенства и мірянъ проводили плодотворныя мысли о возрожденіи церковной общины и о созданіи «церковно-приходскаго уклада и управленія». Особенно ратовали за осуществленіе этихъ идей П. С. Аксаковъ (въ своей газетѣ «День») и Д. Θ. Самаринъ.

На всѣ эти горячія пожеланія и запросы правительство отвѣтило, какъ извѣстно, изданіемъ въ 1864 году двухъ законовъ: о братствахъ и церковныхъ попечительствахъ.

Но учрежденіе всякаго рода церковныхъ попечительствъ, совѣтовъ, старостъ и другихъ органовъ управленія въ приходѣ, только тогда можетъ развить чувство усердія въ прихожанахъ и вызвать творческую силу въ приходѣ, когда всѣ прихожане ко всему дѣлу будутъ искренне привязаны и примутъ посильное участіе въ этомъ дѣлѣ, по мѣрѣ дарованія cadaго. Успѣшность дѣятельности всѣхъ перечисленныхъ выше церковно-общественныхъ управленій обуславливается активнымъ участіемъ всѣхъ христіанъ въ приходѣ, и это «участіе всѣхъ», придавая приходской дѣятельности истинно христіанскую окраску, и составляетъ ту школу нравственности, гдѣ люди совершенствуются въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, безъ которыхъ все наше свѣтское образованіе мертво и бесполезно. Если въ христіанское дѣло вносится неискренность, недовѣріе, или какія либо постороннія побужденія, оно не пойдетъ, ибо духъ христіанства оставитъ это дѣло и оно вызоветъ только раздоры и взаимное охлажденіе.

Мы знаемъ изъ текста закона о приходскихъ попечительствахъ, что церковная община не была призвана цѣликомъ къ выполненію «цѣлаго церковно-приходскаго дѣла», что она, по тексту этого закона, была устранена отъ контроля надъ церковно-общественными доходами и имуществомъ, что въ частности, хозяйство храма было по прежнему отъ нея замкнуто, не смотря на всеобщее признаніе—и въ томъ числѣ такого авторитетнаго святителя, какъ митрополитъ Московскій Филаретъ—непригодности современной системы управленія церковно-общественными доходами и имуществомъ. И вотъ мы видимъ, что созданныя положеніемъ 1864 года приходскія попечительства, во многихъ мѣстахъ Россіи, влчатъ свое вялое существованіе, и безцвѣтная ихъ дѣятельность не удовлетворяетъ, ни духовенства, ни мірянъ.

Безпристрастное отношеніе къ поднятому вопросу побуждаетъ насъ высказать мнѣніе, что наше православное общество въ шестидесятихъ годахъ врядъ-ли было въ силахъ удовлетворительно разрѣшить задачи о «возрожденіи православнаго прихода». Въ тѣ времена отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ находились еще въ переходномъ состояніи, въ теченіи котораго интересы крестьянъ были существенно разъединены съ интересами помѣщиковъ, а потому необходимо было обособить крестьянскій міръ въ его общественномъ устройствѣ, и эта обособленность не дозволила принять въ основу территориальнаго раздѣленія государства всесословную административно-хозяйственную единицу, какимъ въ извѣстномъ отношеніи представляется «православный приходъ».

Нынѣшнее поколѣніе живетъ при другихъ условіяхъ, и если ему, быть можетъ, тоже еще не подъ силу возсоздать приходъ въ значеніи мелкой земской единицы, и если нашему православному приходу надлежитъ сначала возродиться исключительно лишь въ церковномъ отношеніи, то эту послѣднюю задачу наше поколѣніе можетъ и должно выполнить.

Русскій народъ, освоившись теперь нѣсколько съ своею гражданскою свободою, долженъ въ церковномъ отношеніи слиться съ просвѣщенными классами нашего православнаго общества, постепенно очищающагося отъ внѣдрившихся въ него чуждыхъ ему нравовъ и понятій, и начать совмѣстную дѣятельность, присущую крѣпкой и самостоятельной православной церковной общинѣ, представляющей собою единственное общество людей безъ различія состояній и сословій. Идея прихода, какъ свободной церковной общины совершенно согласна съ духомъ Православной Церкви, и нѣтъ никакихъ каноническихъ препятствій къ правильной ея организаціи, какъ въ этомъ между прочимъ убѣждаетъ единогласное постановленіе св. Синода отъ 17 іюля—7 августа 1859 года о повсемѣстномъ введеніи въ Россіи созданнаго для пріамурской об-

ласти положенія о церковно-приходскомъ управленіи, обусловленномъ автономіей прихода. «Схема православнаго церковно-приходскаго управленія» уже создана, приче́мъ этотъ существенный трудъ въ его послѣдней редакціи принадлежитъ не отдѣльному лицу или кружку частныхъ лицъ, а высшей православной духовной власти. Мы разумѣемъ здѣсь церковный законъ 5 марта 1883 года, изданный для православныхъ приходовъ въ Финляндіи и сообщенные въ окончательномъ видѣ высшею православною властью финляндскому сенату проекты правилъ «о церковно-приходскомъ собраніи и церковномъ совѣтѣ православныхъ приходовъ въ Финляндіи», каковыя правила по соглашенію ихъ съ обще-русскими нуждами и интересами должны быть введены и во всей имперіи.

Такимъ образомъ, за возрожденіе православнаго прихода стоитъ законъ, указывающій путь къ этому возрожденію и дающій подробную схему приходскаго строя и управленія; въ пользу такого возрожденія громко говоритъ все историческое прошлое «святой Руси». Замѣчаемая же нынѣ въ нѣкоторыхъ общественныхъ дѣлахъ неурядица, а также обнаружившаяся уже давно у многихъ русскихъ людей болѣзнь духа, колеблющагося постоянно между «своимъ и чужимъ», — должны побуждать наше общество искать въ такой зиждательной мѣрѣ, какъ возрожденіе православнаго прихода, опоры необходимыхъ преобразованій въ общественномъ строѣ. Для выполненія этой существенной задачи недостаетъ только дружнаго общественнаго почина.

Въ какой формѣ, гдѣ и когда обнаружится такой починъ, — это дѣло ближайшаго будущаго, и въ этомъ отношеніи можно выразить лишь нѣкоторыя догадки, соображенія и желанія.

(Новгородскія Епарх. Вѣдом., 1902 года).

Причины образованія русскаго раскола старообрядства и незаконность отдѣленія первыхъ расколоучителей отъ Православной Церкви.

(Продолженіе).

Если такъ неправильно и исключительно понимаемое православіе Русской Церкви побуждало русскихъ не допускать въ ней какихъ нибудь измѣненій и опасно держать себя по отношенію не только къ Западу, но и Церквамъ восточнымъ, то распространенныя среди русскихъ мнѣнія относительно времени кончины міра и связаннаго съ этою кончиною пришествія въ міръ антихриста и отступленія многихъ отъ вѣры давали основанія видѣть въ церковныхъ исправленіяхъ не только искаженіе истинной Православной вѣры, но и *последнее отступленіе отъ вѣры*. Въ основѣ этихъ эсхатологическихъ чаяній русскаго народа лежало, съ одной стороны, представленіе о Москвѣ, какъ о послѣднемъ Римѣ, въ которомъ вѣра можетъ поколебаться только при послѣднихъ временахъ Церкви на землѣ, а съ другой, — гадательныя предположенія о времени кончины міра и явленія антихриста на землѣ. По указанному взгляду на Москву отступленіе въ ней отъ истинной вѣры должно было служить для русскихъ людей прямымъ доказательствомъ мысли, что наступили послѣднія времена и пришелъ въ міръ антихристъ; совпаденіе времени этого отступленія съ исчисленіями о времени кончины міра и пришествія антихриста должно было служить подтвержденіемъ взгляда, что вѣра дѣйствительно искажена, и антихристъ воцарился на землѣ. вмѣстѣ съ опредѣленіемъ времени кончины міра и явленія антихриста, выраженіемъ чего прежде всего должно служить отступленіе Русской Церкви отъ истинной вѣры, были указанія въ нѣкоторыхъ, распространенныхъ среди русскихъ, писаніяхъ, и относительно того, откуда нужно ждть тяжкаго повѣтрія для русскаго православія. Источники этого повѣтрія выводили изъ вѣры латинской, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что явленіе антихриста имѣетъ тѣсную связь съ тѣмъ отступленіемъ, которое началось на Западѣ со времени раздѣленія Церквей. Судьбы Русской Церкви и отечества въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка дали новую обильную пищу мистическому настроенію русскихъ умовъ въ отношеніи Запада. Тогда Русская Православная Церковь должна была выдержать открытую

борьбу съ враждебнымъ ей Латинствомъ, отъ котораго пострадали и Русская Церковь и Русское государство. Унія 1596 г. отторгла отъ Церкви большую часть южной Россіи и положила начало жестокимъ страданіямъ православныхъ. Въ смутныя времена самозванцевъ отъ папистовъ пострадала и сѣверо-восточная Россія. И вотъ на основаніи этихъ событій у нѣкоторыхъ ревнителей православія, Стефана Зизанія, Захарія Копыстенскаго, а подъ вліяніемъ ихъ писаній и несчастій Русскаго государства въ эпоху самозванцевъ, и среди русскихъ людей, создаются такого рода представленія о времени и источникѣ зараженія Русской Церкви антихристовой скверною. По тысячѣ лѣтъ змій древній плѣнилъ Римъ отступленіемъ, въ концѣ XVI вѣка отпала отъ православія юго-западная Русь чрезъ унію съ латинствомъ, а около 1666 г. или около осьмой тысячи лѣтъ и намъ нужно имѣть опасеніе отъ зараженія антихристовою скверною. Въ этихъ воззрѣніяхъ папа называется наивышнимъ предтечею антихриста, такъ какъ отступленіе началось съ него, и всѣ послѣдующія отступленія связываются съ именемъ папства. Вслѣдствіе этого все, что въ исправленіяхъ и измѣненіяхъ церковныхъ такъ или иначе могло быть связано съ именемъ папства, понималось, какъ отраженіе папскаго еретичества, въ которомъ сказался духъ антихристовъ, и потому вызывало со стороны русскихъ враждебное отношеніе изъ опасенія подпасть власти антихриста, и обязанности оберечь отъ него православіе Русской Церкви. И такая враждебность высказывалась въ русскомъ человѣкѣ не только къ тому, что исходило прямо съ Запада, но и къ тому, что заносилось съ Греческаго Востока, потому что современные Греки представлялись русскимъ зараженными латинскими ересями. И чѣмъ ближе подступало время къ тому періоду, когда по воззрѣніямъ русскихъ нужно было ожидать великой опасности отъ власти антихриста для Русской Церкви, тѣмъ болѣе должна была возрастать подозрительность русскихъ ко всякому новшеству и измѣненію въ Русской Церкви, тѣмъ болѣе сильныя протесты со стороны русскихъ людей должны были вызывать всякаго рода церковныя исправленія. А такъ какъ обрядовѣріе русскихъ не дѣлало различія между догматомъ и обрядомъ, между текстомъ книгъ священныхъ и церковно-богослужебныхъ, то легко было принять за исправленіе вѣры, а отсюда за искаженіе ея и за послѣднее антихристово отступле-

ніе и незначительныя церковныя исправленія, касавшіяся чина, обряда или выраженія церковныхъ книгъ. Поэтому-то какъ только началъ патр. Никонъ совершать свои церковныя исправленія, зародившееся сразу подозрѣніе противъ правоты и истинности этихъ исправленій—сначала въ умѣ первыхъ справщиковъ, (изъ которыхъ первые—Савватій и Насѣдка сразу же вышли изъ sprawy по поводу опущенія при изданіи Псалтири статей о двоеперстіи и о поклонахъ), а потомъ въ умѣ первыхъ расколоучителей (по поводу изданія п. Никономъ своей «памяти» о поклонахъ и троеперстіи), должно было съ теченіемъ времени, по мѣрѣ движенія впередъ и расширенія Никоновыхъ исправленій и увеличенія столкновеній его съ первыми вождями раскола, принимать все большіе размѣры, въ видѣ большого пожара охватить всю русскую землю, явиться, наконецъ, въ видѣ русскаго раскола-старообрядства, существующаго доселѣ.

Итакъ, обрядовѣріе русскаго народа, горделивое и преувеличенное мнѣніе русскихъ людей о православіи Русской Церкви, объ исключительномъ и особенномъ призваніи Москвы, какъ третьяго и послѣдняго Рима, недовѣріе и опасливое береженіе себя отъ всего иностраннаго, въ частности отъ современныхъ Грековъ, увеличеніе этой опасливости и береженія ожиданіями тяжкаго повѣтрія для русскаго православія со стороны вѣры латинской—вотъ тѣ основы и причины, по которымъ зачался и вызванъ былъ къ жизни русскій расколъ первыми расколоучителями, возставшими противъ Никоновыхъ исправленій.

Но это не все, чѣмъ можно бы вполне объяснить образование русскаго раскола и по чему можно бы ограничиться въ сужденіи о законности дѣйствій первыхъ расколоучителей противъ патр. Никона. Здѣсь невольно выступаетъ предъ нами вся исторія книжныхъ церковныхъ исправленій на Руси въ періодъ времени до п. Никона. Если въ этой исторіи мы отмѣтили враждебность и непріязненность русскихъ къ исправленіямъ Максима Грека и Діонисія Архимандрита съ ихъ сотрудниками, то съ другой стороны, нельзя замалчивать такихъ фактовъ, какъ мѣры противъ неисправности книгъ, высказанныя въ опредѣленіяхъ Стоглаваго собора, открытіе въ Москвѣ типографіи съ нарочитою дѣлюю устранить вкравшіяся въ книги погрѣшности и разногласія и имѣть книги исправленныя; по-

рученіе исправленія книгъ тѣмъ же троицкимъ справщикамъ самой правительственной властью, и продолженіе книжныхъ исправленій при первыхъ пяти патріархахъ — предшественникахъ Никона, наконецъ, — ясно выражаемое сознание несогласій и неисправности книгъ въ послѣсловіяхъ и предисловіяхъ книгъ издаваемыхъ. Въ нихъ признавалось «многое нѣкое и преизлишно еже въ Божественныхъ писаніяхъ разгласіе» (Послѣсл. къ Потреб. 1622—3 г.) «и въ Божественныхъ словесѣхъ многое неисправленіе» (Кн. Преп. Іоанна Лѣствичника), каковое и заповѣдывалось исправлять «по совѣту соборныя апостольскія Церкви» (Соборникъ). А въ предисловіи къ Кормчей, изданной въ 1650 году, патр. Іосифъ говоритъ: «Воззри убо, аще не лѣностенъ еси, обрящеша ли гдѣ правѣ списанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу?... Но вѣмъ, яко неудобь, обрѣсти возможеша». (Корм. 1650 года предисл. л. 3) ¹⁾. Не говорятъ ли намъ эти мѣры и распоряженія Русской правительственной власти противъ неисправности церковныхъ книгъ, это произведеніе исправленія книгъ безъ протестовъ противъ него — о признаніи русскими людьми факта неисправности русскихъ церковныхъ книгъ, такъ ясно выражаемомъ и въ самихъ издаваемыхъ книгахъ, и вмѣстѣ — о сознаніи необходимости, а отсюда и возможности самого исправленія, безъ опасенія навлечь чрезъ это на себя обвиненіе въ искаженіи Православной вѣры Русской Церкви. Чѣмъ объяснить эту двойственность русскаго народа въ отношеніи къ попыткамъ исправить церковныя книги и чины: съ одной стороны, сознание неисправности книгъ и допущеніе его, съ другой, — возстаніе противъ этихъ исправленій, обвиненіе за нихъ въ искаженіи вѣры?

Все это говоритъ прежде всего за то, что русскіе допускали возможность существованія въ церковныхъ книгахъ ошибокъ, видѣли несогласіе этихъ книгъ между собою и потому не стояли за то, чтобы не дѣлать въ этихъ книгахъ никакихъ поправокъ. Неисправность книгъ на столько была очевидна, ихъ несогласіе такъ велико, что при всемъ обрядовѣрномъ направленіи русскихъ и уваженіи ихъ къ тексту церковныхъ книгъ нельзя было стоять за полную неприкосновенность книгъ и за невозможность въ нихъ какихъ нибудь измѣненій для устраненія несогласій ихъ между собою. Но эти исправленія

¹⁾ Смотр. Ист. Плат. стр. 26.

должны быть, по взгляду русскихъ людей, только такого рода, что не должны идти въ разрѣзъ съ сложившимся въ умѣ русскихъ людей убѣжденіемъ о православіи Русской Церкви. А такими они могли быть въ томъ случаѣ, когда въ нихъ не признавалось, чтобы книги наполнены были ересями, когда они не были въ противорѣчій съ утвердившимися среди русскихъ людей формами и видами обряда или чина, какъ истинными и православными, когда въ основу исправленія брали древнія славянскія и древнія греческія книги и чины, — словомъ, когда мнѣніе русскихъ людей, что на Руси Православная вѣра хранится нерушимо, не затрогивалось, и не колебалось, когда русскій челоуѣкъ видѣлъ въ исправленіи только устраненіе возможной и незначительной ошибки. Разъ дѣлались отступленія отъ такого вида исправленія, и русскіе подозрѣвали, что съ прежнимъ православіемъ исправленіе не согласно, они относились къ исправленію непріязненно, видѣли въ немъ введеніе ересей, при чемъ это подозрѣніе и обвиненіе въ ереси часто истекало и изъ непониманія смысла исправленія. Во имя этого русскаго православія возстали русскіе люди противъ Максима Грека за его исправленія, когда онъ объявилъ, что книги наполнены ересями, и что необходимо исправлять ихъ по греческимъ книгамъ; по той же причинѣ обвиненъ былъ во введеніи ересей и Діонисій Архимандритъ съ сотрудниками, ибо слово «и огнемъ», соединяемое съ понятнымъ для народа и извѣстнымъ ему обрядомъ погруженія свѣчъ въ воду, а равно измѣненіе конечныхъ словословіи въ молитвахъ казались ему, по его привязанности къ обряду и невѣжественному непониманію смысла и значенія извѣстныхъ словъ, такими исправленіями, которыя нарушаютъ догматы Церкви, выражаютъ отрицаніе почитанія Св. Духа за огонь и исповѣданія Св. Троицы. Въ этомъ пониманіи русскими людьми правильнаго и потому возможнаго исправленія въ русскихъ церковныхъ книгахъ и чинахъ заключается *разъясненіе причины возстанія русскихъ людей и противъ Никоновыиъ исправленій.*

Во многихъ случаяхъ мѣръ противъ неисправности книгъ и самыхъ опытовъ исправленія ихъ до патр. Никона не было протеста противъ церковныхъ исправленій, потому что неисправность предполагалось устранить только русскими средствами и на основаніи русскаго православія, безъ сношенія съ греками или югозападными учеными и безъ опасенія поэтому заразить

православіе Русской Церкви латинскими ересями. Если и допускалось сношеніе съ Греціей по поводу исправленій, то сюда посылали только за справками по книгамъ и чинамъ древнегреческимъ, считаемымъ русскими православными. Въ такомъ направленіи и духъ указаль мѣры противъ неисправности книгъ Стоглавый соборъ, предписавъ, чтобы поповскіе старосты и избранные священники исправляли книги соборомъ съ добрыхъ переводовъ, чтобы писцы писали книги съ добрыхъ переводовъ, а написавъ, правила бы. Здѣсь разумѣются переводы славянскіе и ошибки переписчиковъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и русскіе печатники, они же и справщики оригиналовъ для книгъ церковныхъ печатныхъ. Вышедшіе изъ среды русскаго народа, съ его пониманіемъ православія, они руководились при исправленіяхъ исключительно книгами славянскими и тою сложившеюся формою обряда и чиновъ, которая утвердилась и признавалась за истинную Русскимъ народомъ, почему, при предоставленной имъ свободѣ, внесли въ книги то, что составляло отличительныя особенности русскаго православія, иначе,— всѣ обрядовыя особенности Русской Церкви въ сравненіи съ Греческой, привычный для русскаго народа образъ выраженія въ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ. На тѣхъ же основаніяхъ производилось исправленіе и при патріархахъ, предшественникахъ Никона. Въ основу и руководство исправленія брали славянскія книги и чины, той формы обряда, съ которой свыкъся русскій народъ, не затрогивали и потому обвиненій въ искаженіи вѣры не вызывали. При этомъ нужно отмѣтить еще особенную осторожность дѣйствій русскихъ патріарховъ въ церковныхъ исправленіяхъ. Это весьма замѣтно въ томъ, какъ поступаль п. Филаретъ при уничтоженіи слова «и огнемъ», а также въ дозволеніи патріархами употреблять на ряду съ исправленными книгами и книги прежнихъ изданій, за исключеніемъ Устава 1610 года, искаженнаго справщикомъ Логгиномъ и уничтоженнаго по приказанію патр. Филарета.

Такого рода исправленія, не вызывая противъ себя протеста и не ведя такимъ образомъ къ расколу, имѣли все-таки существенные недостатки. При разногласіи церковныхъ книгъ и невозможности взять которую либо изъ нихъ за руководство, потому что редакція ихъ были различны, исправленіе не могло привести книги къ полному единообразію. Книги разнорѣчили

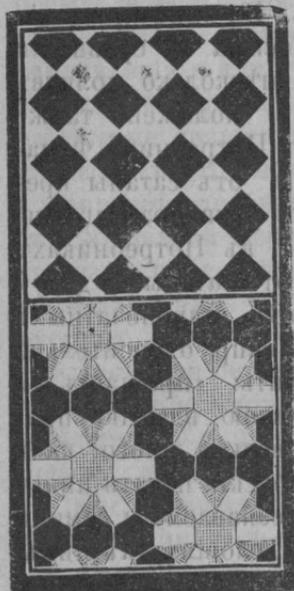
до прямого иногда противорѣчія, какъ напр. относительно таинства крещенія, если сравнить между собою Потребники, изданные при пп. Филаретѣ, Иоасафѣ и Иосифѣ. Въ чинѣ крещенія по Потребникамъ патріарховъ Иоасафа и Иосифа въ сравненіи съ Потребниками п. Филарета прибавлено нѣсколько молитвъ и въ великой ектеніи 8 лишнихъ прошеній, положено также чтеніе Апостола и Евангелія, чего нѣтъ въ Потребникѣ Филарета. По этому Потребнику при отрицаніи отъ сатаны крещаемый (или восприемникъ) долженъ горѣ руки воздвигнуть, а при сочетаніи Христу держать «долу», въ Потребникахъ Иоасафа и Иосифа наоборотъ: при отрицаніи отъ сатаны — «долу» и при сочетаніи со Христомъ — «горѣ». Въ старопечатныхъ Потребникахъ есть существенныя опущенія напр. относительно таинства покаянія, положено только говорить: «прощаетъ тя Христось невидимо и азъ грѣшный», а какую властію прощаетъ — не указано ¹⁾). Такихъ разпорѣчій весьма много, какъ показываютъ опыты сличенія древнихъ Московскія печати книгъ между собою ²⁾). Это несогласіе ясно было сознаваемо и самими издателями книгъ, въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ къ нимъ, на что было указано выше. Допущеніе къ богослужебному употребленію всѣхъ церковныхъ книгъ разныхъ изданій должно было, конечно, увеличивать разнообразіе въ отправленіи требъ и службъ церковныхъ, и цѣль исправленія церковныхъ книгъ — утвердить въ нихъ единообразіе — не достигалась. Необходимо было поэтому исправленіе церковное на другихъ началахъ и для введенія въ Русской Церкви повсюднаго единообразія нужны были другія мѣры. Эти новыя основы исправленія и новый способъ дѣйствования при утвержденіи единообразія въ Русской Церкви и составляютъ особенности Никоновыхъ исправленій, вызвавшихъ протестъ первыхъ расколоучителей. Разсмотримъ теперь, въ чемъ эти особенности состояли, на сколько онѣ были нужны, и законно ли первые расколоучители осудили все исправленіе Никона и отторглись отъ Церкви Православной.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. Плот. Обл. раск., изд. 4, стр. 53—4; болѣе подробно несогласіе древ. книгъ см. въ сочиненіи іером. Филарета: «опытъ сличенія церковныхъ чино-послѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ Московской печати, изданныхъ первыми пятью російскими патріархами».

²⁾ См. въ вышесказ. трудѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ЦЕМЕНТНЫЯ ПЛИТЫ

разныхъ цвѣтовъ, формъ, размѣровъ и рисунковъ, незамѣнимыя для выстилки половъ въ казенныхъ зданіяхъ, храмахъ, панпертяхъ, фабрикахъ, гостинницахъ, магазинахъ, больницахъ, на троттуарахъ и т. п., съ выстилкою и безъ оной, а также и всѣ бетонныя и мраморо-мозаичныя работы и сооруженія, устройство сводовъ по системѣ Монье и др., лѣстницъ, подоконковъ и проч. производить заводъ Константина Васильевича Демидова въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ, **собственный домъ.**

При семъ № разсылается подписчикамъ объявленіе отъ фирмы Виллерау и Бохъ, въ Метлахѣ. — Главные представители Косъ и Дюррь.

СОДЕРЖАНІЕ.

В. А. Жуковскій (продолженіе). — Художественные образы и юморъ Н. В. Гоголя. — О прошломъ и настоящемъ положеніи православной общины. — Причины образованія русскаго раскола старообрядства (продолженіе) — Объявленіе.

Редакторъ *М. Плаксинъ.*

Печатать позвол. Пензоръ Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Евгеній.*

Печатано въ Типо-Литографіи В. А. Паркова. Мал 30-го дня 1902 года.